

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯЗЫК
И
ТЕКСТ

Language
and
Text

langpsy.ru

МГППУ

№3 (5) 2018 год

international
electronic
journal

Содержание

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Пространство и время (хронотоп) трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» и актуальные проблемы коммуникации <i>Куркин Б.А., Мурашкина О.В.</i>	3
Эсхатологический хронотоп в интертексте Улицкой <i>Дергачева И.В.</i>	12
Феномены интенциональных «Христианство, Россия и русский народ» в письмах из Италии и дневниках Достоевского <i>Махмудова С.М.</i>	17
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» <i>Куркин Б.А.</i>	29
Классическая литература на уроках иностранного языка: «Белые ночи» Достоевского и Висконти <i>Литвин Е.А.</i>	38
Эсхатологические мотивы в рутульской поэзии <i>Сулейманова Т.А.</i>	46

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Психологические барьеры в процессе работы с иностранными учащимися и механизмы их преодоления <i>Корнев В.А., Дедова О.М.</i> ,.....	56
Проблемы в обучении русскоговорящих студентов нормативному произношению испанского языка <i>Мурашкина О.В.</i>	62

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков <i>Сидорин В.В.</i>	67
Картина мира в русской, английской и французской фразеологии (на примере концепта «семья») <i>Коннова Д.М.</i>	75

ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Наши павшие – как часовые... <i>Никанорова О.Н., Дергачева И.В.</i>	81
--	----

Куркин Б.А., Мурашкина О.В.
Пространство и время (хронотоп) трагедии А.С.
Пушкина «Борис Годунов» и актуальные проблемы
коммуникации
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 3–11.

Kurkin B.A., Murashkina O.V.
The time and the space (chronotope) of Pushkin's
tragedy «Boris Godunov» and actual problems of
communication
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 3–11.

Пространство и время (хронотоп) трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» и актуальные проблемы коммуникации

Куркин Б.А.,

*Доктор юридических наук, профессор кафедры
Международного права
Юридического института ТГТУ,
эксперт Германской службы академического обмена (DAAD),
Тамбов*

Мурашкина О.В.,

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры языковой подготовки кадров
ИГСУ РАНХиГС, Москва*

В статье анализируются вопросы пространства-времени (хронотопа) и жанра «Бориса Годунова» А.С. Пушкина. Авторы исследуют сущность исторических событий, происшедших четыре столетия назад и продолжающих происходить сегодня. В основе исследования лежат методы философской герменевтики и феноменологии.

Ключевые слова: хронотоп, жанр, понимание, интерпретация.

Для цитаты:

Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Пространство и время (хронотоп) трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» и актуальные проблемы коммуникации [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Kurkin_Murashkina.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Kurkin B.A., Murashkina O.V. The time and the space (chronotope) of Pushkin's tragedy «Boris Godunov» and actual problems of communication [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2018, vol. 5, no. 3. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Kurkin_Murashkina.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

«Бориса Годунова» А.С. Пушкина традиционно относят к жанру трагедии. Именно в качестве таковой понимал свое творение и сам автор произведения. Такое понимание сложилось с самого выхода «Годунова» в свет и остается таковым и по сию пору. По умолчанию. Исключения – уникальны. Так, Н.Ф. Филиппова, ссылаясь на первоначальное название пушкинской трагедии – «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», писала о том, что «жизненное содержание “Бориса Годунова” слишком объемно, чтобы можно было уложить его в рамки одного жанра, тем более — традиционного. Каким образом, — спрашивала Филиппова, — “беда” воспринималась как “комедия”?» И отвечала на свой вопрос так: «Но разве в самой этой борьбе за престол, борьбе-игре не было и комического — горького и смешного одновременно? О подобном “смещении родов комического и трагического” как закономерном для драмы Пушкин говорил в заметке “О трагедии”, набросанной в 1825 г. во время работы над “Борисом Годуновым”» [20, с. 79].

Такой аргумент из числа литературоведческих курьезов. Ведь еще в 1889 году известный историк-литературовед М.И. Сухомлинов приводил слова рецензента «Бориса Годунова» (предположительно, Ф.В. Булгарина) о том, что «в начале Русского Театра, в 1705 году, комедией называлось какое-нибудь происшествие историческое или выдуманное, представленное в разговоре» [19, с. 219]. И это высказывание рецензента тиражировалось впоследствии в работах советских филологов, причем со ссылками на работу Сухомлинова [9, с. 212].

Тем не менее, вопрос о жанровой принадлежности пушкинского «Бориса» к трагедии, являет собой неприметную на первый взгляд загадку или по крайней мере недосказанность.

Представляется, что ответ на данный вопрос можно получить, внимательно проанализировав пространство-время произведения, его «хронотоп», по выражению М.М. Бахтина.

Хронотоп в литературе, писал Бахтин, «имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [2, с. 235].

Попытаемся рассмотреть жанр «Бориса» в соответствии с утвердившейся в мировом литературоведении точкой зрения, согласно которой суть трагедии представляет собой борьбу героя с Роком. Как отмечает известный швейцарский исследователь А. Боннар, «трагический конфликт — это борьба с фатальным: задача героя, затеявшего с ним борьбу, заключается в том, чтобы доказать на деле, что оно не является фатальным или не останется им всегда. Препятствие, которое предстоит преодолеть, воздвигнуто на его пути неведомой силой, против которой он беспомощен и которую он с тех пор называет божественной. Самое страшное наименование, которым он наделяет эту силу, — это Рок» [7, с. 84].

Именно борьбу героев с Роком увидел в пушкинском «Борисе Годунове» Э.В. Вацура: «... «мнение народное», слух, убеждение, крепнущее от сцены к сцене, в драматургическом отношении здесь эквивалентно античному “року”, лицом к лицу с которым поставлен царь Борис. Именно это делает конфликт трагическим; подобно античным трагическим героям, Борис как личность, индивидуальность вступает в борьбу с судьбой, с необходимостью и должен погибнуть, каков бы ни был смысл его личной деятельности» [8, с. 562 – 563]. «“Борис Годунов”, – заключает автор, – тяготеет к художественной структуре античной трагедии» [8, с. 573].

Точку зрения Э.В. Вацура разделяет и И.В. Коровин: «В ходе художественного анализа Пушкин пришел к выводу, что один из главных законов истории — ее стихийность, иррациональность и зависимость от Рока, Судьбы, выступающая в различных формах, в том числе и религиозной. Это относится и к Борису Годунову, и к народу.

Борис Годунов, независимо от его личных качеств и способностей к государственной деятельности, заранее обречен на гибель. Если в трагедиях Шекспира действие определяет конфликт личностей, то в пушкинской трагедии Борис не является жертвой боярских интриг, Самозванца или предводителей польской интервенции. В трагедии нет личности, которая по своему масштабу могла бы сравниться с Борисом Годуновым» [13, с. 265].

С этим едва ли можно согласиться. То, что понимается Э.В. Вацура под «роком», есть не что иное, как следствия совершенного однажды деяния – убийства царевича. При этом каждый последующий шаг Бориса отнюдь не является фатальным: царю открыт путь покаяния, и отказ от него – следствие его свободного выбора. То же самое относится и прочим героям пушкинского «Годунова», например, обласканному царем Басманову. Он также волен оставаться верным присяге, но в целях самосохранения и «народного блага», как он его понимает (возможно, лукавая – даже пред самим собой), идет на измену. Нет, у героев «Годунова» всегда есть выбор – трудный, мучительный, сопряженный с риском для жизни, но свободный. Роковыми обстоятельствами можно назвать лишь глад и мор, которые пережили при Годунове русские люди.

«Рок» в «Годунове» отсутствует как таковой, однако произведение не перестает признаваться и быть трагедией. Очевидно, что критерий «всесильной Судьбы» не может являться доминантным признаком трагедии.

Как подчеркивала Я.В. Погребная, «Конфликт трагедии античности изображал столкновение Человека и Рока, показывал невозможность свободного выбора, непреодолимую власть судьбы... В «великих трагедиях» Шекспира трагическое начало заключается не в роковой обреченности героя, а как раз в возможности свободного выбора: следовать фатально определенному типу поведения или отказать от него» [18, с. 221].

До Погребной сходную мысль выразил А.А. Аникст. «В трагедиях Шекспира, – отмечал он, – нет места для судьбы или какой-нибудь иной сверхъестественной силы, обрушивающей несчастья на человека. Единственным источником трагического в его драмах является зло, которое человек причиняет своими действиями другим или самому себе» [1, 343].

Итак, хотя тема рока и в драматических произведениях Шекспира, таких как «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Ричард III», «Антоний и Клеопатра», «Отелло», не звучит, однако их принято считать трагедиями, в то время как «аналог» «Отелло» – «Маскарад» М.Ю. Лермонтова – считается «драмой», равно как «Гроза» и «Бесприданница» А.Н. Островского. Действительно, в «Маскараде», «Грозе» или «Бесприданнице» герои (точнее, героини) гибнут, но к трагедиям эти произведения не относят, ибо, как говорится в полицейских протоколах, налицо убийство на чисто «бытовой почве».

Более широкое определение трагедии дает третье издание Большой советской энциклопедии: «“ТРАГЕДИЯ” (греч. *tragodia*, буквально – козлиная песнь, от *tragos* – козёл и *ode* – песнь), драматический жанр, основанный на трагической коллизии героических персонажей, трагическом её исходе и исполненный патетики; вид драмы, противоположный комедии. Трагедия отмечена суровой серьёзностью, изображает действительность наиболее заостренно, как сгусток внутренних противоречий, вскрывает глубочайшие конфликты реальности в предельно напряжённой и насыщенной форме, обретающей значение художественного символа; не случайно большинство Т. написано стихами» [5].

Согласно такому определению, «Борис Годунов» полностью соответствует формальному определению, ибо налицо патетика и конфликт.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Любопытно, что как дореволюционные, так и советские филологи характеризовали «Бориса Годунова» исключительно в качестве социально-политической трагедии.

«Центр тяжести трагедии Бориса, по Пушкину, — писал Д.Д. Благой, — лежит в социальных отношениях эпохи. Не поединок между Борисом и самозванцем, а другая, более сложная и глубокая борьба, борьба социальных сил — самодержавия, боярства, дворянства, народа — составляет истинный предмет пушкинской трагедии. И именно эти-то социальные отношения, борьбу социальных сил с замечательной яркостью и, в основном, с не менее замечательной пронизательностью Пушкин и развертывает в своей пьесе» [4, с. 147]. То же самое писал Благой и для взрослых в 1931 году [3, с. 58].

Как трагедию «политическую и историческую» характеризовал «Бориса Годунова» С.Н. Бонди [6, с. 192]. «Это не пьеса о Борисе Годунове как “трагическом герое” или о Григории Отрепьеве — это прежде всего драма, воспроизводящая исторические события» [6, с. 192].

В качестве «социально-исторической и социально-философской реалистической трагедии» рассматривал пушкинского «Годунова» Б.П. Городецкий [10, с. 6].

В свою очередь Ю.М. Лотман писал, что «“Борис Годунов” — трагедия, проникнутая одновременно духом политической злободневности и верностью изображаемой эпохе» [15, с. 106].

Наиболее радикальную и оригинальную точку зрения на принадлежность пушкинского «Бориса» к жанру трагедии высказала Г.В. Москвичева, утверждающая вслед за перечисленными нами авторами, что произведение Пушкина – «трагедия политическая» [17, с. 55].

По ее мнению, «изображая события “смутной поры” и опираясь на конкретные исторические факты, Пушкин интуитивно, художнически шел к пониманию главного противоречия эпохи. Оно определило подлинно трагический элемент в судьбе Годунова. Но и в системе изображенных в

трагедии событий исторический конфликт в русской драматургии развернут впервые на реалистической основе как “трагическая коллизия между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления” [17, с. 67].

Определяя суть трагической коллизии «Годунова», автор ссылается при этом на письмо Энгельса Лассалю от 18 Мая 1859 года, превращая Пушкина чуть ли не в пророка истмата [21, с. 495].

Безусловно, социально-политические моменты в пушкинской трагедии присутствуют. Весь вопрос в том, являются ли они единственными или, по крайней мере, самодовлеющими. Не обедняем ли мы смысл и содержание «Годунова», понимая данное произведение как исключительно историко- и социально-политическое, в лучшем случае с «вкраплениями» в него тем морали и большой совести?

Перечисленные нами авторы пишут о Смутном времени, но каковы в таком случае его отличительные черты? Смута – это, прежде всего, смута в умах и сознании людей, в первую очередь, сознании религиозном. Это утрата авторитетов, оскудение в народе веры и небрежение к Христовым заповедям, и – как неизбежное следствие – следствие девальвация моральных ценностей. Результат катастрофичен: невозможность даже силовыми методами обеспечивать общественный порядок и сдерживать усиливающийся хаос в сознании людей и общественно-политической жизни в целом. Об этом писали русские авторы XVII века, труды которых – жития святых, летописей и временников, сказаний, повестей, посланий – использовал Пушкин в своей трагедии. Следует только читать ее внимательно, обратив внимание на смысл изображенных в произведении чудес, почерпнутых из тех же источников.

Такая документальность говорит о том, что изображаемый Пушкиным в трагедии мир и есть тот самый мир, в котором живут и автор, и читатель «Годунова», то есть мы с вами.

Чудеса, описанные Пушкиным в «Борисе Годунове» (беседа умирающего царя Феодора с «мужем светлым»), нетленные мощи убиенного царевича, прозрение старца по молитве Димитрию), – это прямое указание на сосуществование и проявление взаимодействия двух миров: духовного («тонкого») и земного, горнего и дольного. И не только в пространстве его трагедии, но и в нашей с вами практической повседневной жизни. Соответственно, история предстает в трагедии не только и не столько в виде комбинаций и некой равнодействующей человеческого своеволия в форме столкновения и взаимодействия социально-политических сил («самости», на языке православных богословов), а в виде Провидения, т.е. Промысла Божьего.

И нет ничего удивительного в том, что русские дореволюционные и советские авторы сознательно замалчивали тему чуда в «Борисе Годунове». Но если умалчивание столь важного аспекта трагедии в советские времена можно отнести на счет государственной политики атеизма, то объяснить игнорирование этой темы подданными православного царя невозможно иначе, как их убежденностью в «несущественности проблемы» и внутренним неприятием всякого рода «поповских сказок», а также следованию идейной моде дореволюционной поры, господством позитивизма в науке, атеистичного по своей природе.

Таким образом, понимание и трактовка трагедии напрямую зависят от того, как смотреть на все происходящее в трагедии: в свете Евангелия или через оптику исторического позитивизма, истмата. Религиозное и материалистическое прочтение трагедии дадут два совершенно разных результата, даже если интерпретировать ее социально-политические аспекты.

Во втором варианте для исследователя останется закрытым источник всего происходящего и сущего – воля Божия во всей ее непостижимости.

При религиозном прочтении «Бориса Годунова» будет меняться, расширяясь, не только его хронотоп: трагедия получает иное измерение, иной модус.

Все происходящее в трагедии предстанет при таком прочтении в качестве своеобразного наложения вины народа на вину Бориса. Виновны все. И каждый по-своему. Расплата за грехи становится неотвратимой.

Ряд исследователей, ссылающихся на слова пушкинского Пимена, ставит в вину народу избрание царя-святоубийцы. Дело, однако, значительно тоньше. Народ, погружившийся в тяжкие грехи, о чем свидетельствуют слова Варлаама о наступлении последних времен, смотрит на избрание царя как на знатную потеху:

Вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

Утрачено даже элементарное благочестие: ведь Кресту поклоняются. Эта пушкинская деталь глубоко символична, поскольку именно на Кресте и Евангелии, целуя их, русские люди присягали царю. Пушкин показывает нам, что эта клятва верности Кресту, на котором примостился народ, вскоре будет с легкостью попрана и уже заранее считается за ничто. Все лицемерят. Вскоре ситуация будет описываться известной формулой: «Кругом измена, трусость и обман». И начнется гражданская война.

На этом фоне даже смерть Бориса не выглядит из ряда вон выходящей трагедией, хотя и ее вкупе с душевными муками героя было бы достаточно, чтобы причислить пушкинское произведение к жанру трагедии. Не становится чем-то особо трагическим и ужас народа от деяний клеветников грядущего царя-самозванца. Народ уже ошибся один раз в выборе царя, что же экстремально трагического в том, что он ошибся с выбором царя еще раз?

Бесспорно, трагической является гибель семьи Годунова – юного царя Феодора и вдовы Бориса, однако отечественное литературоведение предпочитало не заострять внимание на этой теме, явно памятуя о злодейском убийстве последнего русского царя, его семьи и ее верных слуг. Но ведь сказано же было: «Не прикасайтесь помазанным моим» (Пс. 104:15)! Развитие и обсуждение данного события, перекликавшегося с событиями, описанными Пушкиным, было крайне нежелательным в отечественной историографии и политическом обиходе.

Трагична гибель царевича Димитрия? Но она остается «за кадром» и предшествует развитию сюжета. Как справедливо отмечал И.В. Киреевский, «трагедия Пушкина развивает последствия дела уже совершенного, и преступление Бориса является не как действие, но как сила, как мысль» [11, с. 144].

Так в чем же тогда трагедия?

Ответ на этот вопрос заключается, по нашему мнению, в том, что Пушкин адресует читателя к итогам Смуты, хорошо ему известным – полному распаду государства Российского и ужасам гражданской войны и вторжению иноземцев. Рухнула Русь – опора Православия, Третий Рим, каковым мыслили русские люди свое царство-государство. А если Четвертому Риму не бывать, то, стало быть, настает «последние времена», о которых и говорил пушкинский Варлаам, сиречь царство антихристово и конец света. Вот это уже настоящая трагедия! В этом движении к концу земной истории история о царе Борисе и Гришке Отрепьеве является лишь началом, первым актом развернувшейся на Руси и у Пушкина катастрофы. Пушкинские герои еще не знают, что итогом их своеволия станет именно это. Но это знает просвещенный читатель.

В качестве аргумента в пользу такого понимания трагедии можно привести и первоначальное название, которое дал своему боговдохновенному труду Пушкин: «О настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», имевшей подзаголовок «Летопись о многих мятежах и пр. писано бысть Алексашкой Пушкиным в лето 7333, на городище Ворониче».

Для нас важно слово «настоящей». Как отмечается в Словаре древне-русского языка И.И. Срезневского, «“Настоящий” имеет значение “надвигающийся”, “предстоящий”, “настигающий”, “угрожающий”» [16].

Пришествие на Москву Самозванца, воспринимаемого к тому же русскими людьми, включая пушкинских героев, в качестве законного царя, трагедией быть никак не могло. Точнее, не могло

восприниматься ими в качестве таковой. Что ж, бояре подло извели род Годунова, но ведь это порывался сделать и сам народ. Оттого-то столь многозначно, неопределенно и разнородно пушкинское «безмолвие народа».

Трагедия «Борис Годунов», являвшаяся строго исторической, а не художественной фантазией на тему русской Смуты, каковой была, например, трагедия А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец», невольно наводила и наводит на эту мысль, которая была понятна читателю пушкинской поры без дополнительных разъяснений.

Вот эта надвигающаяся на Русь беда – гибель Третьего Рима со всеми ее ужасами – и есть сердцевина пушкинского творения, которое с полным правом можно называть трагедией. Однако она, изображенная поэтом, остается за рамками сюжета произведения. Она подразумевается, но она реальна и неотвратима, она близ.

Так хронотоп «Бориса Годунова» расширяется, выходя за текстуальные рамки произведения. Иными словами, смысловой и содержательный хронотоп трагедии шире хронотопа ее текста.

Такой ракурс рассмотрения пушкинского произведения рождает вопросы коммуникации читателя и текста, способности читателя усвоить и освоить художественное пространство «Бориса Годунова» и верно интерпретировать его.

В свое время французский феноменолог М. Мерло-Понти ввел в философский оборот категорию «опыта мира», который, подобно кантовской трансцендентальной апперцепции, лежит в основе всего человеческого познания. Этот «опыт мира» как опыт, переживаемый субъектом, первичен по отношению к какому бы то ни было знанию, включая и научное. А посему освоение литературного текста будет являть собой сложнейшее взаимодействие субъекта, наделенного своими знаниями и опытом с текстом художественного произведения, в силу чего хронотоп последнего может расширяться или сужаться.

«...Искусство и философия вместе являются как раз не произвольными изготвлениями в универсуме «духовного» («культуры»), а контактом с бытием, именно потому, что они суть творения. Бытие — это то, что требует от нас творения, для того чтобы мы могли его постичь.

Осуществить анализ литературы в этом смысле: в качестве вписывания в бытие» [22, с. 248].

Так что все по сути зависит от духовного опыта читателя.

О том же писал в своей книге известный советский режиссер Г.М. Ко-зинцев. «Так называемая “эпоха” в трагедии, — отмечал он, — не замкнутое историей время, а открытое историей пространство; все — движение, прошлого вовсе нет; древняя тьма вползает в будущее; угасший свет надежды вспыхивает, разгорается; всё в пути.

Куда? Дороги назад, вспять, в праисторию; пути вперед, дальше, круче, за горизонт. В неведомой точке времена пересекаются: прошлое угрожает стать будущим, а будущее уже было. Кто сказал, что автор отражает старину? Он вмешивается в современность» [12, с. 114].

Эти слова полностью применимы к пушкинскому «Борису Годунову», ставшему частью нашей жизни, не до конца еще осознанной. Все последующие события и катастрофы в истории России оказываются уже описанными в пушкинской трагедии». Начав писать художественное произведение о конкретно-исторических событиях, что явствует из первоначального названия произведения «Бориса Годунова», Пушкин, оставаясь верным духу русской истории, вышел на вневременной уровень, создав вещь, равно значимую для России во все времена, поскольку пространство пушкинской трагедии охватывает и душу каждого отдельного героя и народа в целом.

«Борис Годунов» — это вещь о вечной борьбе, происходящей в человеческом сердце между Богом и дьяволом, о неизбежной расплате за грех покушения на незримый небесный правопорядок, как отмечалось ранее настоящими авторами [14, с. 91 – 103]. Пушкинская трагедия – это вещь об искушении прельститься мятежным словом вместо того, чтобы жить по Христовым заповедям, о «матрице» истории вековой России, ее катастрофичности и способности народа преодолевать с Божьей помощью последствия бедствий.

Литература

1. Аникст А.А. Творчество Шекспира. М.: Художественная литература, 1963.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
3. Благой Д.Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. Второе дополненное издание. М.: Кооперативное издательство «Мир», 1931.
4. Благой Д.Д. Историческая трагедия Пушкина «Борис Годунов». // Пушкин А.С. Борис Годунов. М.: Государственное издательство детской литературы, 1957.
5. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). Третье издание. М.: Советская энциклопедия. 1969 – 1978.
6. Бонди С.М. Драматургия Пушкина // Бонди С.М. О Пушкине: Статьи и исследования. — М.: Худож. лит., 1978.
7. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1. От Илиады до Парфенона. М.: Искусство, 1991 – 1992.
8. Вацуро В.Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // Пушкинская пора: Сб. статей. СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000.
9. Винокур Г.О. Собрание трудов. Комментарий к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. Труды. М.: Лабиринт. «Брандес», 1999.
10. Городецкий Б.П. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов». Комментарий. Л.: Просвещение. Ленинградское отд., 1969.
11. Киреевский И.В. Обзорение русской литературы за 1831 год. «Борис Годунов» // Пушкин в прижизненной критике (1831-1833). Ларионова Е.О. (ред.). СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2003.
12. Козинцев Г.М. Пространство трагедии. Дневник режиссера. М.: Искусство, 1973.
13. Коровин И.В. «Судьба человеческая, судьба народная»: о смысле трагедии «Борис Годунов» // А.С. Пушкин. Борис Годунов: Тексты, комментарии, материалы, моделирование уроков: Науч.-метод. пособие для вуза и школы / Под ред. Старыгиной, И.П. Карпова. М.: ВЛАДОС, 1999.
14. Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Тема народа в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Язык и текст. 2018 Т. 5, № 2. С. – 91 – 103.
15. Лотман Ю. Пушкин: Очерк творчества // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960—1990. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2003
16. Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И.И. Срезневскаго. Томъ второй. Санктпетербургъ, Типографія Императорской Академіи наукъ, 1902.
17. Москвичева Г.В. Некоторые вопросы жанровой специфики трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Болдинские чтения. [1985]. Горький, 1986.
18. Погребная Я.В.: История зарубежной литературы Средних веков и эпохи Возрождения: учебно-методическое пособие. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014.
19. Сухомлиновъ М.И. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Том 2. С.-Петербургъ. Изданіе А.С. Суворина, 1889.
20. Филиппова Н.Ф. Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М.: Книга, 1972.
21. Энгельс — Фердинанду Лассалю, 18 Мая 1859 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 29. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.
22. Merlaeu-Ponty M. Le visible et l'invisible. Paris, Gallimard. 1964.

The time and the space (chronotope) of Pushkin's tragedy «Boris Godunov» and actual problems of communication

Kurkin B.A.,

*Doctor of Law, Professor of International Law, Law Institute TSTU,
expert of the German Academic Exchange Service (DAAD).
Tambov*

Murashkina O.V.,

*PhD (Philology), Assistant Professor at the department of foreign languages for civil servants at
the Institute of Civil Service and Public Administration, RANEPА, Moscow, Russia*

The article is dedicated to analysis of the time- space (chronotope) and genre of A.S. Pushkin's «Boris Godunov». The Authors analysis the essence of the historical events not only four centuries old but repeat themselves throughout modern times. The Authors a using methods of philosophical hermeneutics and phenomenology in their research.

Keywords: chronotope, genre, understanding, interpretation.

References

1. Anikst A.A. Tvorchestvo SHekspira. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1963.
2. Bahtin M.M. Voprosy literatury i ehstetiki. Issledovaniya raznyh let. M.: Hudozhestvennaya literatura», 1975.
3. Blagoj D.D. Sociologiya tvorchestva Pushkina. EHtyudy. Vtoroe dopolnennoe izdanie. M.: Kooperativnoe izdatel'stvo «Mir», 1931.
4. Blagoj D.D. Istoricheskaya tragediya Pushkina «Boris Godunov. // Pushkin A.S. Boris Godunov. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoj literatury, 1957.
5. Bol'shaya Sovetskaya EHnciklopediya (BSEH). Tret'e izdanie. M.: Sovetskaya ehnciklopediya. 1969 – 1978.
6. Bondi S.M. Dramaturgiya Pushkina // Bondi S.M. O Pushkine: Stat'i i issledovaniya. — M.: Hudozh. lit., 1978.
7. Bonnar A. Grecheskaya civilizaciya. T. 1. Ot Iliady do Parfenona. M.: Iskusstvo, 1991 – 1992.
8. Vacuro V.EH. Istoricheskaya tragediya i romanticheskaya drama 1830-h godov // Pushkinskaya pora: Sb. statej. SPb: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt», 2000.
9. Vinokur G.O. Sobranie trudov. Kommentarij k «Borisu Godunovu» A.S. Pushkina. Trudy. M.: Labirint. «Brandes», 1999.
10. Gorodeckij B.P. Tragediya A. S. Pushkina «Boris Godunov». Kommentarij. L.: Prosveshchenie. Leningradskoe otd., 1969.

11. Kireevskij I.V. Obozrenie russkoj literatury za 1831 god. «Boris Godunov» // Pushkin v prizhiznennoj kritike (1831-1833). Larionova E.O. (red.). SPb.: Gosudarstvennyj Pushkinskij teatral'nyj centr v Sankt-Peterburge, 2003.
12. Kozincev G.M. Prostranstvo tragedii. Dnevnik rezhissera. M.: Iskusstvo, 1973.
13. Korovin I.V. «Sud'ba chelovecheskaya, sud'ba narodnaya»: o smysle tragedii «Boris Godunov» // A.S. Pushkin. Boris Godunov: Teksty, kommentarii, materialy, modelirovanie urokov: Nauch.-metod. posobie dlya vuza i shkoly / Pod red. Staryginoy, I.P. Karpova. M.: VLADOS, 1999.
14. Kurkin B.A., Murashkina O.V. Tema naroda v tragedii A.S. Pushkina «Boris Godunov». YAzyk i tekst. 2018 T. 5, № 2. S. – 91 – 103.
15. Lotman YU. Pushkin: Oчерk tvorchestva // Lotman YU. M. Pushkin: Biografiya pisatelya. Stat'i i zametki, 1960—1990. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo – SPB», 2003
16. Materialy dlya Clovarya drevne-russkago yazyka po pis'mennym" pamyatnikam". Trud" I.I. Sreznevskago. Tom" vtoroj. Sanktpeterburg", Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk", 1902.
17. Moskvicheva G.V. Nekotorye voprosy zhanrovoj specifiki tragedii A. S. Pushkina «Boris Godunov» // Boldinskie chteniya. [1985]. Gor'kij, 1986.
18. Pogrebnaya YA.V.: Istoriya zarubezhnoj literatury Srednih vekov i ehpoi Vozrozhdeniya: uchebno-metodicheskoe posobie. Stavropol': Izd-vo SKFU, 2014.
19. Suhomlinov" M.I. Izsl'bdovaniya i stat'i po russkoj literatur'e i prosv'bhcheniyu. Tom 2. S.-Peterburg". Izdanie A.S. Suvorina, 1889.
20. Filippova N.F. Narodnaya drama A. S. Pushkina «Boris Godunov». M.: Kniga, 1972.
21. EHngel's — Ferdinandu Lassalyu, 18 Maya 1859 g. // Marks K. i EHngel's F. Sochineniya. Izdanie vtoroe. T. 29. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1962.
22. Merlaeu-Ponty M. Le visible et l'invisible. Paris, Gallimard. 1964.

Эсхатологический хронотоп в интертексте Улицкой

Дергачева И.В.,

Доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО МГППУ

В статье представлен дискурсивный анализ эсхатологического хронотопа Л. Улицкой, представленный в сборнике новелл «Люди нашего царя».

Ключевые слова: Улицкая, эсхатологический дискурс, хронотоп, бинарные оппозиции, интертекст.

Для цитаты:

Дергачева И.В. Эсхатологический хронотоп в интертексте Улицкой [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dergacheva I.V. Eschatological chronotope in the intertext of Ulitskaya [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Dergacheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Философский взгляд на жизнь характерен для всех без исключений произведений Л. Улицкой, а потому бинарная оппозиция жизнь / смерть является неизменным мотивом ее творчества. Не является исключением и сборник новелл «Люди нашего царя» [1].

В рассказе «Путь осла» оппозиция жизнь / смерть представлена безотносительно надежды на Воскресение. Жене, героине и автору повествования, умеющей видеть «умными очами» земные события в проекции сакральной символики, явлено Рождество: «Осенняя ночь в горах, высокое южное небо. Густые травяные запахи. Теплый ветер с морским привкусом. Преувеличенные звезды. И вдруг одна, большая, как яблоко, прочертила все небо из края в край сверкающим росчерком и упала за шиворот горизонта. Происходило Рождество, я в этом ни минуты не сомневалась: странное, смещенное, разбитое на отдельные куски, но все необходимые элементы присутствовали: младенец, Мария и ее старый муж, пастух, эта негритянская колдунья с ногтями жрицы Вуду, со своим божественным голосом, присутствовал агнец, и звезда подала знак...» [1, с. 23–24]. Ее впечатление разделяет Жене: «Мы обсуждали вчерашнее событие. Я пыталась сказать ей [Жене–И.Д.], что мы как будто пережили Рождество, что вчерашний вечер содержал в себе все атрибуты Рождества, кроме осла...–Да, да, – кивала Жене, – ты совершенно права, Женя. Но осел тоже был» [1, с.24].

Однако Рождество явлено героям повествования вне литургического хронотопа, за ним следует смерть, никто не надеется на Воскресение, в рассказе отсутствует описание торжества православия, заключенного в пасхальной радости о Христе, воскресшем, «смертию смерть поправ». Рождество сменяется «триумфом смерти», похитившей агнца, а позже и младенца.

В рассказе «Приставная лестница» концепт Рождества и рождественского чуда также занимает центральное место в повествовании: «сумасшедший звонарь, нарушая строгий запрет, выколачивал из последнего оставшегося колокола радостную весть о рождении младенца» [1, с. 30]. И чудо не заставляет себя ждать: «С небеси падал медленный, крупными хлопьями выделанный снег и, ложась на землю, светил не хуже электричества. Безногого Василия еще не замело, и старухи заметили темный ворох на земле около лестницы. Он не разбился. И даже не проснулся от падения. И замерзнуть тоже не успел. Старухи оттерли его, отпоили». [1, с.30]. Спасено сразу несколько душ: запойного инвалида, потерявшего ноги на войне, его дочери, решившейся на убийство – сбросившей

его со второго этажа и оставившей умирать на морозе после того, как на глазах ее и маленьких братьев он избил их больную мать до крови, а также двух беспомощных малышек, полностью зависимых от сестры. «И никто не умер».

Но вновь вслед за рождественским чудом наступает торжество смерти: Василий «сам и повесился», загубив себя как для жизни земной, маловременной, так и вечной, совершив грех самоубийства. Автор несомненно сочувствует герою: «А в ту Рождественскую ночь все так хорошо обошлось» [1, с.31]. Жалеет отца и дочь, по-христиански простив его: «Нина громко плакала на похоронах отца. Ей было его страсть как жалко. А что она его с лестницы бросила, она и не помнила» [1, с.31].

Образ лестницы, наряду с Рождественским чудом занимающий центральное место в композиции повествования, будучи отраженным и в его названии, оказывается аллюзией на Лестницу Иоанна Лествичника, восхождение на которую и является «узким путем, ведущим в жизнь вечную» [Мф. 7:14]. Сорваться с нее легко, ибо человек, являющийся подобием Образа Божиего, состоит тем не менее из двух ипостасей – брэнного тела и вечной души, спасти которую можно лишь неустанно поднимаясь по духовной лестнице, руководствуясь духовно-нравственными правилами, изложенными в св. Писании. Герои Улицкой живут в духовно ограниченном пространстве, пророчество о котором прозвучало в «великом пятикнижии» Достоевского: «Коли Бога нет, то все позволено». Недаром героинями, выбранными орудием для свершения чуда, стали «две боговерующие старухи»: «самогонщица Кротиха и ее подружка Ипатьева, вошли в заснеженный двор, продолжая волнующую дискуссию – большой ли грех было пойти в эту самую Пименовскую церковь, обновленческую, партийную, или ничего, сойдет за неимением поблизости хорошей, правильной». [1, с. 30].

В рассказе «Коридорная система» «Танатос» упоминается как термин, используемым З. Фрейдом для психоанализа: «Коридорный же сон остался на всю жизнь, но снился редко... Женя, чуть ли не с детства приобщенная к трудам великого шамана, еще раз пролистала знаменитое сочинение, посвященное сновидениям. Прямого ответа доктор не давал. В ту пору он больше интересовался Эросом, чем Танатосом» [1, с. 37]. Героиня мучается повторяющимися сновидениями о коридорах, имеющих прообраз коммунальной квартиры, но олицетворяющих образы иного мира, куда уходят души усопших. Эти коридоры являются также олицетворением разрыва национальной эсхатологической традиции, произошедшего благодаря революционным событиям и тотальной секуляризации общества. Если в рассказе Л. Петрушевской из сборника «В садах иных желаний» показан рай без Бога [2], то в рассказе Л. Улицкой коридоры олицетворяют некий кромешный мир, не относящийся ни к аду, ни к раю, мир, в котором мучаются не упокоенные души, не познавшие пути к Господу. Не подошедшей к умирающему отцу, принесшему ей при жизни много горя, но в смертный час с горечью вызывавшему к своей матери, Жене в наказание суждено до конца жизни созерцать эти коридоры, олицетворяющие безысходность жизни без Бога: «– Какой ужас... Я к нему не вошла... Этот коридор... Картинка завершилась, все ее причудливые элементы сошлись. Она знала теперь, что до конца своей жизни будет видеть этот сон, а когда умрет, то попадет туда окончательно, и будет бежать по этому коридору в ужасе, в отчаянии, в отвращении к отцу, к себе самой, а в минуту счастливого отдохновения от вечно длящегося кошмара будет промелькивать навстречу милая Эммиа с дымящейся сковородкой в вытянутой руке, серьезная и улыбающаяся, под деревянный стук каблучков, слегка запаздывающий относительно ее энергичного бега...» [1, с. 41].

В рассказе «Дезертир» на фоне описания жизни семьи героини, в которой мужчины готовы отдать жизнь, защищая Родину («Отец Ирины уже работал в «Красной звезде», разъезжал по фронтам и писал знаменитые на всю страны очерки... Муж Валентин воевал, и писем от него не было» [1, 54]), трогательно и громко звучит гуманистическая тема спасения маленькой собачки героини через нарушение закона военного времени о мобилизации домашних животных. Героиня представляла «Тильду с повязкой красного креста на спине, и как бы она честно служила, бегала по полям сражений, разыскивала раненых, приносила им помощь... А, оказывается, все совсем не так: ее натренируют проскальзывать возле гусениц танка и выскакивать, и она будет много раз повторять

этот легкий трюк, чтобы потом, однажды, кинуться под немецкий танк и взорваться вместе с ним» [1, с. 55]. «Обмирая от страха», Ирина рвала повестки пуделю и в первый же приезд отца «рассказала ему о дезертирстве Тильды. Он молча кивнул» [1, с. 56]. Собака благодарно лизнула ему руку: «Она не знала, что ее избавили от смерти под танком, в центре адского взрыва, и умрет она теперь своей смертью, пережив и войну, и главного хозяина, и пуделиные кости ее будут лежать в лесочке, в приметном месте возле большого камня на обрыве, недалеко от дачи... А вот где сложил свои кости Валентин, так никто и не узнал: он пропал без вести – навсегда» [1, с. 56].

В рассказе «Короткое замыкание» традиционные образы иного мира прописаны яснее и подробнее. В традициях древнерусской письменности явление мира материального является лишь отражением мира ноуменального. Так и в рассказе Л. Улицкой представлено, как замыкание в электрической цепи и последующий мрак вызывает в душах обитателей современного многоквартирного дома стремление задуматься о сущности бытия.

И происходит трагедия. Галина Андреевна, мать двадцатидвухлетней девочки инвалида, лишенная духовной поддержки, вынужденная из-за замыкания остановить свою механическую жизнь, понимает, что продолжать ее она не в силах: «В квартире тихо и темно: не черно, серо. Окна отливают асфальтом. Да, да, асфальт... Какой отчет? Зачем? Зачем ужин? Зачем морковный сок? Судорога движений, деятельности... Пляска святого Витта, а не жизнь. Выключили электричество, погас свет, и Галина Андреевна остановилась, и сделалось ясно: жизнь – тьма. Великий мрак. Бежать!» [1, с. 103]. Отсутствие духовных ценностей, на которые могла бы опереться героиня в своем горе, предопределяет трагический исход – героиня бежит от проблем материального мира, через акт самоубийства, прекратив свое земное существование и оставив своих любимых – дочь-инвалида, мужа и собаку Лотту оплакивать себя... Однако страшнее всего представляется посмертная участь души самоубийцы, о которой даже не задумываются невоцерковленные герои.

Однако в повествовании не все безысходно – так, у меломана Ивана Мстиславовича, ослепшего десять лет назад, музыка Людвиг ван Бетховена в исполнении Марии Вениаминовны Юдиной вызывает видение небесного света: «Но скерцо, скерцо! Какая внятность, какая ясность мысли, чувства. Бедный Людвиг! Или слышит на небесах, как Мария Вениаминовна переводит его с небесного на земной? И свет небесный пробивается. Не утренний, не вечерний. Ну конечно, про то и сказано – «свет невечерний»... [1, с. 106].

В рассказе «...И умерли в один день» санитарка Варя, «уже немолодая богомолка, сохранившаяся с прежних времен, а не вновь образовавшаяся», которая «больше всего в жизни... любила смерть» и имела «свою тайную жизненную роль»: заказывала усопшим заупокойные записочки и отпевание, взглянув на бесконечно любивших друг друга супругов, умерших в один день, поняла, что они «хорошие покойнички...хотя и отметила, что венчиков бумажных на лобиках у них не лежало» [1. С. 179]. Любовь помогла их душам проложить дорогу к Господу: «И тут вдруг солнце прорвало туман, и прямо над головами повисла радуга... «Господи, дорогу в небо повесили, – изумилась Варя. – Верно, очень хорошие покойнички...» [1, с. 180].

В следующем рассказе, «Последняя неделя», именно отсутствие любви приводит к самоубийству юной пострадавшей девушки, как и все герои Улицкой, лишенной духовного окормления и пытавшейся искать помощи у психиатра, который не в состоянии понять ее душевную трагедию и помочь ей спасти свою бессмертную душу: «Прошло двадцать лет. Умерли мои родители, первый муж, множество друзей ушло. А я все вспоминаю тот понедельник: если бы я оставила ее тогда ночевать...» [1, с. 187].

Тема одиночества и отсутствия духовных ориентиров, приводящих к самоубийству, развивается и в рассказе «Писательская дочь». Маша, дочь известной советской писательницы, никак не может найти смысл и цель жизни: «Потом Маша приезжала еще два раза. В последний раз, приехав, призналась Воробьевой, что лежала два месяца в лондонской клинике после неудавшегося суицида. Воробьева – врач! – не разнюнилась, не раскрякалась, даже бровью не повела. – Ну, слава Богу. Все позади! Это ведь многие переживают. А желание это, я думаю, всех время от времени

посещает» [1, с. 237]. Не имея иных желаний, кроме сведения счетов с жизнью, Маша возвращается в Лондон, «а еще через неделю пришло известие о ее смерти. Самоубийство» [1, с. 239].

Тотальное одиночество героев Улицкой прерывается лишь тогда, когда они встречаются с людьми воцерковленными. Так, в рассказе «Дорожный ангел», героиня ощущает помощь Ангела-Хранителя, призываемого ее «доброй теткой»: «Елена, добрая моя тетка, всегда выползает из своей комнаты, когда я ухожу... – Ступай, ступай с Богом! Ангела–Хранителя тебе на дорожку! И крестит меня особым крестом: правую руку левой поднимает... Так она теперь и крестится, и на всех домашних кладет свой особый крест и Ангела Дорожного призывает. Про других точно не знаю, но мой Дорожный всегда со мной. Во всех поездках оберегает и много интересного и важного показывает» [1, с. 245].

Свобода действия как отсутствие воздаяния за достойно прожитую жизнь и наказания за жизнь несправедную (аллюзия на слова Ивана Карамазова о том, что если Бога нет, то все позволено) не вдохновляет автора, признающей в разделе «Последнее»: «Мысль ужасная: тебя никто не накажет и, тем более, не наградит. Ты совершенно свободен, сам себе судья. О ужас!» [1, с. 354]. Подобный экзистенциальный страх рассматривается основоположником экзистенциализма датским философом С. Кьеркегором как «страх, выражающий человеческую духовность» [3, с. 7].

Литература

1. Улицкая Л. Люди нашего царя. М.: Эксмо, 2005.
2. Петрушевская Л. В садах других возможностей // *Новый мир*. № 2. М., 1993.
3. Цветкова О.Л. Страх и современность: метафизика и реальность // *Культура и образование*. № 1 (28). М., 2018. С. 5–13.

Eschatological chronotope in the intertext of Ulitskaya

Dergacheva I.V.,
Professor FSBEI MSUPE

The article presents a discursive analysis of the eschatological chronotope L. Ulitskaya, presented in the collection of stories “People of our Tsar”.

Keywords: Ulitskaya, eschatological discourse, chronotope, binary oppositions, intertext.

References

1. Ulickaya L. Lyudi nashego carya. M.: EHksmo, 2005.
2. Petrushevskaya L. V sadah drugih vozmozhnostej // Novyj mir. № 2. M., 1993.
3. Cvetkova O.L. Strah i sovremennost': metafizika i real'nost' // Kul'tura i obrazovanie. № 1 (28). M., 2018. S. 5–13.

Махмудова С.М.
Феномени интенциональных «Христианство, Россия и русский народ» в письмах из Италии и дневниках Достоевского
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 17–28.

Mahmudova S.M.
Phenomena of intentional "Christianity, Russia and the Russian people" in letters from Italy and Dostoevsky's diaries
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 17–28.

Феномены интенциональных «Христианство, Россия и русский народ» в письмах из Италии и дневниках Достоевского¹

Махмудова С.М.,

Доктор филологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета

Работа посвящена феноменологии интенциональности объектов в творчестве Ф. М. Достоевского. В статье обосновывается гипотеза, что основными интенциональными объектами в письмах и дневниках Достоевского являются темы Христианство, Русский Народ и Россия.

Ключевые слова: Достоевский, феноменология интенциональных объектов, Россия, Христианство, русский народ.

Для цитаты:

Махмудова С.М. Феномены интенциональных «Христианство, Россия и русский народ» в письмах из Италии и дневниках Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Mahmudova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Mahmudova S.M. Phenomena of intentional "Christianity, Russia and the Russian people" in letters from Italy and Dostoevsky's diaries [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2018, vol. 5, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Mahmudova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Творчество Ф.М. Достоевского – это объект внимания не только литературоведения, лингвистики, но и философии, так как философия отношения к миру является краеугольным камнем в произведениях мыслителя. Письма Ф.М. Достоевского из Италии получили рассмотрение исследователей в специальных работах, так как итальянский период творчества русского гения, который до сих пор оказывает огромное влияние на умы в Европе, был весьма плодотворным как в эпистолярном отношении, что позволяет отследить душевное, моральное и физическое состояние гения, так и в творческом, духовном, отношении – там был закончен один из самых монументальных романов русской литературы - «Идиот».

В нашей работе будет рассмотрена феноменология интенциональных объектов в письмах и дневниках М.Ф. Достоевского.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые анализируется интенциональность объектов психологического мира в письмах писателя с точки зрения феноменологического метода анализа текста.

¹ Проект выполнен при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-012-90034. Достоевский и Италия).

Один из главных психических образов переживающего субъекта в письме, – идея Родины, вновь и вновь возникающая в мыслях писателя как образ светлого, доброго, родного начала, который притягивает автора. Образ теплой, милой, дорогой России проступает в большинстве писем, так как мыслитель отталкивается во всем своем творчестве, обнаруживая этим сущностную взаимозависимость соотносимых элементов – акт зависит от объекта и объект зависит от акта: образ России предстает через описание Ф.М. Достоевского, и Достоевский создает свой ментальный образ России на основе натуралистических реалий Родины, отражающихся в сознании Федора Михайловича.

Россия для Ф.М. Достоевского – это истоки его духовности и духовности его народа, лучшие проявления великой славянской духовности. Ф. Достоевский, более того, патриот и славянофил, проповедующий общеславянское единство и радеющий за будущее всех славянских народов. Как пишет сам Ф.М. Достоевский в “Дневниках...”: "А между тем в одной России лишь всё светло и ясно, кроме, разумеется, великой скорби о восточных славянских братьях ее - скорби, однако же, освещающей душу и возвышающей сердце" [1].

Именно потому, что Федор Михайлович чувствует Россию, он предугадывает ее исторический путь, замечая с удивительной прозорливостью гения еще в 1976 году: "Но Европа не верит этому, не верит ни благородству России, ни ее бескорыстию. Вот особенно в этом-то "бескорыстии" и вся неизвестность, весь соблазн, всё главное, сбивающее с толку обстоятельство, всем противное, всем ненавистное обстоятельство, а потому ему никто и не хочет верить, всех как-то тянет ему не верить. Не будь "бескорыстия" - дело мигом стало бы в десять раз проще и понятнее для Европы, а с бескорытием - тьма, неизвестность, загадка, тайна! (...) И, уж конечно, вся эта тайна заключена (...) в одной России, которая никому-де, однако, ничего не хочет открыть, а идет к какой-то своей цели, твердо, неустанно, всех обманывая, коварно и тихомолком. Двести уже лет живет Европа с Россией, насильно заставившей принять себя в европейский союз народов, в цивилизацию; но Европа всегда косилась на нее, предчувствуя недоброе, как на роковую загадку, бог знает откуда явившуюся и которую надо, однако же, разрешить во что бы то ни стало. И вот каждый раз, именно с Восточным вопросом, эта неизвестность, это недоумение Европы насчет России усиливается до болезни, а между тем ничего не разрешается: "Кто же и что же это, наконец, такое, и когда мы это, наконец, узнаем? Кто они, эти русские?" [1].

В “Дневниках” Ф.М. Достоевский пишет также о присущей русскому народу силе духа, о ее исторической миссии: “На его плечах (т. е. на плечах народа), на его терпении и самопожертвовании, на его живучей силе, горячей вере и великодушном презрении к собственным интересам - создалась независимость России, ее сила и способность к историческому призванию. Он сохранил нам чистоту христианского идеала, высокий и смиренный в своем величии героизм и те прекрасные черты славянской природы, которые, отразившись в бодрых звуках пушкинской поэзии, постоянно питали потом живую струю нашей литературы...” [2]. И далее: “Убеждение в бескорыстии России если придет когда-

нибудь, то разом обновит и изменит весь лик Европы. Убеждение это непременно наконец воцарится, но не вследствие наших уверений: Европа не станет верить никаким уверениям нашим до самого конца и всё будет смотреть на нас враждебно. Трудно представить себе, до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала она нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев. Вот потому-то она очень любит утешать себя иногда мыслию, что Россия будто бы "пока бессильна"[2].

Пространными получают цитаты Ф.М. Достоевского в нашей работе, однако предугаданная гением писателя роль России в мире, отношение к ней других стран и внешнего мира в девятнадцатом веке, излагаемые Ф.М. Достоевским в своих письмах и дневниках, и сегодня не изменились, мир все еще словно прощупывает Россию на крепость, испытывает ее на прочность, не веря ей, не принимая ее, пытаясь относиться свысока, стараясь подчинить ее своей воле, вновь и вновь пыжась определить путь для нее, избранный не самой Россией, а европейскими державами, Западом, никак не принимающими Россию в качестве великой державы, новой равной силой, способной самой повлиять на мир.

Ф. Достоевский в "Дневниках" доходит в анализе духовной сути русского народа до самых ее глубин, где стержнем, скрепом нации и основным, самым сущим, (эйдос, как это определяет феноменология) устремлением есть любовь к Иисусу Христу, богу, страдания которого близки русскому народу, жертвенность Христа и его готовность к смерти ради народа также свойственна и русской душе: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он вздыхает и относит славу свою к милости господя. Страданием своим русский народ как бы наслаждается».

«Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания» [3].

Вряд ли будет преувеличением сказать, что христианскую духовную глубину русскому народу привил Ф. М. Достоевский. С имени Ф. Достоевского начинается христианский психологизм души русского человека, может быть, испытание русской души христианством, очищение души через христианство, отсюда начинается и измерение своих и чужих поступков через посредство христианских основ. Если в величайшем произведении русской мысли XVIII века – стихотворении Г. Державина «Бог» поэт страстно доказывает существование «пространством бесконечного, ... духа, всюду сущего и единого», то уже в XIX веке Ф. Достоевский вводит христианство в самую суть духовности самого русского читателя,

делая христианство основным проявлением души и духовности человека. Христос и христианство для Достоевского – это мерило человечности, человеколюбия, единения человека с природой. Такого всепронизывающего, страстного поклонения и полного доверия Богу, присутствующему в основной части произведений Ф.М. Достоевского, после него уже не будет. Г. Р. Державин вводит в русскую литературу образ Бога, заставляет поверить в него, даже демонстрирует божественную суть через литературу. И, в этой связи, интересно, что Г. Р. Державин, как он сам пишет в своих «Записках», писал свою божественную оду несколько лет и докончил ее во сне.

Если для Г.Р. Державина Бог – "пространством бесконечный, Живый в движении естества, Течением времени превечный, Без лиц, в трех лицах Божества, Дух всюду сущий и единый", ... "Неизъяснимый, непостижимый", то для М.Ф. Достоевского Христос – это не просто всемогущий Бог, дух для страстного поклонения, как у Г. Державина, а самая суть его Родины – России, которую он так же страстно любит, и тем сильнее его любовь и тяга к России, чем дальше и дольше он от нее уезжает.

У Ф.М. Достоевского в душе русского народа не просто поклонение Иисусу Христу, а поклонение Иисусу за его страдания за народ, голгофа, на которую Он всходит ради людей. И это страдание становится у Федора Михайловича одним из духовных скрепов, особенностей национального русского самосознания: "Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он вздыхает и относит славу свою к милости господу. Страданием своим русский народ как бы наслаждается" [3].

Ф.М. Достоевский мучается образом Христа, переживает за него, пытается объяснить его народу, преподнести, боясь, что проникнется этим глубоким образом народ, либо не поймет его. Как гениально замечено И.А. Есауловым, что "По Достоевскому, наибольшую опасность для человечества в настоящем, прошлом и будущем представляет не столько прямой атеизм, сколько искажение и подмена (курсив И.А. Есаулова –С.М.) вселенского образа подлинного Христа, искажение вселенской христианской веры. Это искажение и подмена "даже хуже самого атеизма", поскольку действительная вера в искаженного и оболганного Христа, то есть, по словам князя Мышкина, вера в "Христа противоположного", лже-Христа, оказывается как раз не абстрактным неверием, а весьма конкретной и фанатической, но верой (курсив И.А. Есаулова – С.М.), однако верой в конечное торжество антихриста [4].

Ф.М. Достоевский – Русский Гений, что значит, что он чувствует душу русского народа и живет по неписанным законам русского народа, запах родины, дух своего народа, степи и равнины русские питают его талант силой, русский язык служит основой мощи слова, певучесть и простота русского слога украшают его стиль письма, мог ли он быть долго без всего этого, если дыхание его даже становилось свободнее на родине? Конечно, нет, - и только этим объясняется его страсть по России, тоска по дому в прекрасной Италии, страны, которая дала миру Петрарку и Данте, Рафаэля и Микеланджело.... Для Достоевского даже Сибирь, где он не просто бывал, но пробыл на каторге, милее Флоренции, где, кстати, его с супругой поселили в бывшем дворце королей: “Здесь во Флоренции климат, может быть, еще хуже для меня, чем в Милане и в Вевее; падучая чаще. Два припадка сряду, в расстоянии 6 дней один от другого, и сделали то, что я опоздал эти 10 дней. Кроме того, во Флоренции слишком уж много бывает дождя; но зато, когда солнце, — это почти что рай... Через три месяца — два года как мы за границей. По-моему, это хуже, чем ссылка в Сибирь... Я не понимаю русских за границей. Если здесь есть такое солнце и небо и такие действительно уж чудеса искусства, неслыханного и невообразимого, буквально говоря, как здесь во Флоренции, то в Сибири, когда я вышел из каторги, были другие преимущества, которых здесь нет, а главное — русские и родина, без чего я жить не могу” [5].

Еще один интенциональный феномен в письмах Ф. Достоевского – его отношение к своим произведениям: писатель находится в очень стесненных материальных условиях, однако не позволяет себе работать только ради прибыли, - идея – это то, ради чего он пишет, что считает основной целью своего творчества. Ф.М. Достоевский как переживающий субъект при герменевтическом анализе текста писем выступает еще и как субъект психического состояния растерянности от постоянных материальных проблем, однако никак не меняющий при этом своего нежного и заботливого отношения к родным, ищущий выхода только в результатах собственного труда.

Рефрен «христианство, русский народ и родина» и становится основной канвой, на которой разворачивается все дальнейшее творчество Ф.М. Достоевского, а также основными психологическими образами в его творчестве. Причем, христианство для Достоевского – это не просто религия его народа, его интересует такое явление в христианстве, как христианское всепрощение, христианская кротость, христианское страдание. В анализе характера русского народа писатель, как психологический хирург, пласт за пластом поднимает составляющие духовной сути и основные черты русской души, и делает это так тщательно, как это не делали ни до него, ни после в русской литературе.

И, по-видимому, так полон мир Ф.М. Достоевского этими тремя основными столпами русского духовного мира, что образ прекрасной Италии не находит в душе гения места, этот образ не находит отклика в его душе. И, на наш взгляд, именно этим и объясняется его отношение к Италии, а не банальным отсутствием материальных средств.

Таким образом, Ф.М. Достоевский предстает в дневниках и письмах как переживающий субъект, интенциональным объектом которого оказывается сложный набор психологических образов, составляющих основной фон его творчества. Творчество Ф.М. Достоевского – это объект внимания не только литературоведения, лингвистики, но и философии, так как философия отношения к миру является краеугольным камнем в произведениях мыслителя. Письма Ф.М. Достоевского из Италии получили рассмотрение исследователей в специальных работах, так как итальянский период творчества русского гения, который до сих пор оказывает огромное влияние на умы в Европе, был весьма плодотворным как в эпистолярном отношении, что позволяет отследить душевное, моральное и физическое состояние гения, так и в творческом, духовном, отношении – там был закончен один из самых монументальных романов русской литературы - «Идиот».

В нашей работе будет рассмотрена феноменология интенциональных объектов в письмах и дневниках М.Ф. Достоевского.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые анализируется интенциональность объектов психологического мира в письмах писателя с точки зрения феноменологического метода анализа текста.

Один из главных психических образов переживающего субъекта в письме, – идея Родины, вновь и вновь возникающая в мыслях писателя как образ светлого, доброго, родного начала, который притягивает автора. Образ теплой, милой, дорогой России проступает в большинстве писем, так как мыслитель отталкивается во всем своем творчестве, обнаруживая этим сущностную взаимозависимость соотносимых элементов – акт зависит от объекта и объект зависит от акта: образ России предстает через описание Ф.М. Достоевского, и Достоевский создает свой ментальный образ России на основе натуралистических реалий Родины, отражающихся в сознании Федора Михайловича.

Россия для Ф.М. Достоевского – это истоки его духовности и духовности его народа, лучшие проявления великой славянской духовности. Ф. Достоевский, более того, патриот и славянофил, проповедующий общеславянское единство и радеющий за будущее всех славянских народов. Как пишет сам Ф.М. Достоевский в «Дневниках...»: "А между тем в одной России лишь всё светло и ясно, кроме, разумеется, великой скорби о восточных славянских братьях ее - скорби, однако же, освещающей душу и возвышающей сердце" [1].

Именно потому, что Федор Михайлович чувствует Россию, он предугадывает ее исторический путь, замечая с удивительной прозорливостью гения еще в 1976 году: "Но Европа не верит этому, не верит ни благородству России, ни ее бескорыстию. Вот особенно в этом-то "бескорыстии" и вся неизвестность, весь соблазн, всё главное, сбивающее с толку обстоятельство, всем противное, всем ненавистное обстоятельство, а потому ему никто и не хочет верить, всех как-то тянет ему не верить. Не будь "бескорыстия" - дело мигом стало бы в десять раз проще и понятнее для Европы, а с бескорытием - тьма, неизвестность, загадка,

тайна! (...) И, уж конечно, вся эта тайна заключена (...) в одной России, которая никому-де, однако, ничего не хочет открыть, а идет к какой-то своей цели, твердо, неустанно, всех обманывая, коварно и тихомолком. Двести уже лет живет Европа с Россией, насильно заставившей принять себя в европейский союз народов, в цивилизацию; но Европа всегда косилась на нее, предчувствуя недоброе, как на роковую загадку, бог знает откуда явившуюся и которую надо, однако же, разрешить во что бы то ни стало. И вот каждый раз, именно с Восточным вопросом, эта неизвестность, это недоумение Европы насчет России усиливается до болезни, а между тем ничего не разрешается: "Кто же и что же это, наконец, такое, и когда мы это, наконец, узнаем? Кто они, эти русские?" [1].

В «Дневниках» Ф.М. Достоевский пишет также о присущей русскому народу силе духа, о ее исторической миссии: «На его плечах (т. е. на плечах народа), на его терпении и самопожертвовании, на его живучей силе, горячей вере и великодушном презрении к собственным интересам - создалась независимость России, ее сила и способность к историческому призванию. Он сохранил нам чистоту христианского идеала, высокий и смиренный в своем величии героизм и те прекрасные черты славянской природы, которые, отразившись в бодрых звуках пушкинской поэзии, постоянно питали потом живую струю нашей литературы..." [2]. И далее: «Убеждение в бескорыстии России если придет когда-нибудь, то разом обновит и изменит весь лик Европы. Убеждение это непременно наконец воцарится, но не вследствие наших уверений: Европа не станет верить никаким уверениям нашим до самого конца и всё будет смотреть на нас враждебно. Трудно представить себе, до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала она нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев. Вот потому-то она очень любит утешать себя иногда мыслию, что Россия будто бы "пока бессильна"» [2].

Пространными получают цитаты Ф.М. Достоевского в нашей работе, однако предугаданная гением писателя роль России в мире, отношение к ней других стран и внешнего мира в девятнадцатом веке, излагаемые Ф.М. Достоевским в своих письмах и дневниках, и сегодня не изменились, мир все еще словно прощупывает Россию на крепость, испытывает ее на прочность, не веря ей, не принимая ее, пытаясь относиться свысока, стараясь подчинить ее своей воле, вновь и вновь пыжась определить путь для нее, избранный не самой Россией, а европейскими державами, Западом, никак не принимающими Россию в качестве великой державы, новой равной силой, способной самой повлиять на мир.

Ф. Достоевский в «Дневниках» доходит в анализе духовной сути русского народа до самых ее глубин, где стержнем, скрепом нации и основным, самым сущим, (эйдос, как это определяет феноменология) устремлением есть любовь к Иисусу Христу, богу, страдания которого близки русскому народу, жертвенность Христа и его готовность к смерти ради народа также свойственна и русской душе: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и

неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он въздыхает и относит славу свою к милости господя. Страданием своим русский народ как бы наслаждается».

« Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания» [3].

Вряд ли будет преувеличением сказать, что христианскую духовную глубину русскому народу привил Ф. М. Достоевский. С имени Ф. Достоевского начинается христианский психологизм души русского человека, может быть, испытание русской души христианством, очищение души через христианство, отсюда начинается и измерение своих и чужих поступков через посредство христианских основ. Если в величайшем произведении русской мысли XVIII века – стихотворении Г. Державина «Бог» поэт страстно доказывает существование «пространством бесконечного, ... духа, всюду сущего и единого», то уже в XIX веке Ф. Достоевский вводит христианство в самую суть духовности самого русского читателя, делая христианство основным проявлением души и духовности человека. Христос и христианство для Достоевского – это мерило человечности, человеколюбия, единения человека с природой. Такого всепронизывающего, страстного поклонения и полного доверия Богу, присутствующему в основной части произведений Ф.М. Достоевского, после него уже не будет. Г. Р. Державин вводит в русскую литературу образ Бога, заставляет поверить в него, даже демонстрирует божественную суть через литературу. И, в этой связи, интересно, что Г. Р. Державин, как он сам пишет в своих «Записках», писал свою божественную оду несколько лет и докончил ее во сне.

Если для Г.Р. Державина Бог – "пространством бесконечный, Живый в движеньи естества, Теченьем времени превечный, Без лиц, в трех лицах Божества, Дух всюду сущий и единый", ... "Неизъяснимый, непостижный", то для М.Ф. Достоевского Христос – это не просто всемогущий Бог, дух для страстного поклонения, как у Г. Державина, а самая суть его Родины – России, которую он так же страстно любит, и тем сильнее его любовь и тяга к России, чем дальше и дольше он от нее уезжает.

У Ф.М. Достоевского в душе русского народа не просто поклонение Иисусу Христу, а поклонение Иисусу за его страдания за народ, голгофа, на которую Он всходит ради людей. И это страдание становится у Федора Михайловича одним из духовных скрепов, особенностей национального русского самосознания: "Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом

из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он воздыхает и относит славу свою к милости господя. Страданием своим русский народ как бы наслаждается" [3].

Ф.М. Достоевский мучается образом Христа, переживает за него, пытается объяснить его народу, преподнести, боясь, что проникнется этим глубоким образом народ, либо не поймет его. Как гениально замечено И.А. Есауловым, что "По Достоевскому, наибольшую опасность для человечества в настоящем, прошлом и будущем представляет не столько прямой атеизм, сколько искажение и подмена (курсив И.А. Есаулова –С.М.) вселенского образа подлинного Христа, искажение вселенской христианской веры. Это искажение и подмена "даже хуже самого атеизма", поскольку действительная вера в искаженного и оболганного Христа, то есть, по словам князя Мышкина, вера в "Христа противоположного", лже-Христа, оказывается как раз не абстрактным неверием, а весьма конкретной и фанатической, но верой (курсив И.А. Есаулова – С.М.), однако верой в конечное торжество антихриста [4].

Ф.М. Достоевский – Русский Гений, что значит, что он чувствует душу русского народа и живет по неписанным законам русского народа, запах родины, дух своего народа, степи и равнины русские питают его талант силой, русский язык служит основой мощи слова, певучесть и простота русского слога украшают его стиль письма, мог ли он быть долго без всего этого, если дыхание его даже становилось свободнее на родине? Конечно, нет, - и только этим объясняется его страсть по России, тоска по дому в прекрасной Италии, страны, которая дала миру Петрарку и Данте, Рафаэля и Микеланджело.... Для Достоевского даже Сибирь, где он не просто бывал, но пробыл на каторге, милее Флоренции, где, кстати, его с супругой поселили в бывшем дворце королей: "Здесь во Флоренции климат, может быть, еще хуже для меня, чем в Милане и в Вевее; падучая чаще. Два припадка сряду, в расстоянии 6 дней один от другого, и сделали то, что я опоздал эти 10 дней. Кроме того, во Флоренции слишком уж много бывает дождя; но зато, когда солнце, — это почти что рай... Через три месяца — два года как мы за границей. По-моему, это хуже, чем ссылка в Сибирь... Я не понимаю русских за границей. Если здесь есть такое солнце и небо и такие действительно уж чудеса искусства, неслыханного и невообразимого, буквально говоря, как здесь во Флоренции, то в Сибири, когда я вышел из каторги, были другие преимущества, которых здесь нет, а главное — русские и родина, без чего я жить не могу" [5].

Еще один интенциональный феномен в письмах Ф. Достоевского – его отношение к своим произведениям: писатель находится в очень стесненных материальных условиях, однако не позволяет себе работать только ради прибыли, - идея – это то, ради чего он пишет, что считает основной целью своего творчества. Ф.М. Достоевский как переживающий

субъект при герменевтическом анализе текста писем выступает еще и как субъект психического состояния растерянности от постоянных материальных проблем, однако никак не меняющий при этом своего нежного и заботливого отношения к родным, ищущий выхода только в результатах собственного труда.

Рефрен «христианство, русский народ и родина» и становится основной канвой, на которой разворачивается все дальнейшее творчество Ф.М. Достоевского, а также основными психологическими образами в его творчестве. Причем, христианство для Достоевского – это не просто религия его народа, его интересует такое явление в христианстве, как христианское всепрощение, христианская кротость, христианское страдание. В анализе характера русского народа писатель, как психологический хирург, пласт за пластом поднимает составляющие духовной сути и основные черты русской души, и делает это так тщательно, как это не делали ни до него, ни после в русской литературе.

И, по-видимому, так полон мир Ф.М. Достоевского этими тремя основными столпами русского духовного мира, что образ прекрасной Италии не находит в душе гения места, этот образ не находит отклика в его душе. И, на наш взгляд, именно этим и объясняется его отношение к Италии, а не банальным отсутствием материальных средств.

Таким образом, Ф.М. Достоевский предстает в дневниках и письмах как переживающий субъект, интенциональным объектом которого оказывается сложный набор психологических образов, составляющих основной фон его творчества.

Литература

1. Бахтин М.М. *Проблемы творчества Достоевского*. Киев, 1994.
2. *Дневник Достоевского. 1873 год. Глава V. Влас*// <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1873/1873-v-vlas.htm>
3. *Дневник Достоевского, 1876 год. Сентябрь. Глава первая. Piccola bestia*// <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1876/1876-sentyabr.htm>
4. *Дневник Достоевского, 1876 год. Апрель*//<http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1876/1876-aprel.htm>
5. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 15. Письмо С.А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 г. Флоренция.*
6. Есаулов И.А. *Русская классика. Новое понимание*. С.-Петербург, 2017. Стр. 186.
7. Иванов В. *Родное и вселенское*. М., 1994.
8. Махмудова С.М. *Рутульская литература. Махачкала, "Народы Дагестана", 2008.*

Phenomena of intentional "Christianity, Russia and the Russian people" in letters from Italy and Dostoevsky's diaries

Mahmudova S.M.,

Doctor of Philology, Professor, Moscow state University of psychology and education

The Work is devoted to the phenomenology of objects in the works of Dostoevsky. The article substantiates the hypothesis that the main intentional objects in Dostoevsky's letters and diaries are Christianity, the Russian People and Russia.

Keywords: dostoevsky, phenomenology of intentional objects, Russia, Christianity, Russian people.

References

1. Bahtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Kiev, 1994.
2. Dnevnik Dostoevskogo. 1873 god. Glava V. Vlas// <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1873/1873-v-vlas.htm>
3. Dnevnik Dostoevskogo, 1876 god. Sentyabr'. Glava pervaya. Piccola bestia// <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1876/1876-sentyabr.htm>
4. Dnevnik Dostoevskogo, 1876 god. Aprel//<http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1876/1876-aprel.htm>
5. Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij v 15 tomah. T. 15. Pis'mo S.A. Ivanovoj ot 25 yanvarya (6 fevralya) 1869 g. Florenciya.
6. Esaulov I.A. Russkaya klassika. Novoe ponimanie. S.-Peterburg, 2017. Str. 186.
7. Ivanov V. Rodnoe i vselenskoe. M., 1994.
8. Mahmudova S.M. Rutul'skaya literatura. Mahachkala, "Narody Dagestana", 2008knig" v carstvovanie blagovѣrnago Gosudarya Carya Aleksѣya Mihajlovicha v" 7163/1655 godu. Izdanie 2-e Moskva, 1788.
9. Novyj lѣtopisec". // Polnoe sobranie russkih" lѣtopisej, izdannoe po Vysochajshemu povelѣniyu Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissiiyu. Tom" 14. Pervaya polovina. I Pod" red. S. F. Platonova i P. G. Vasenko — SPb: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910
10. Plach" o plenenii i o konechnom razorenii Prevysokago i Presvѣtlѣjshago Moskovskago gosudarstva, v" polzu i nakazanie poslushayushchim". // RIB. T. 13. SPb., 1891.
11. Povѣst' knyazya Ivana Mihajlovicha Katyreva-Rostovskago po spisku Imperatorskoj publichnoj biblioteki Q. 4. № 154 // (RIB). T. 13. SPb., 1891
12. Povѣst' o chestnѣm" zhitii Carya i Velikago Knyazya Feodora Ivanovicha vseya Russii. II. // RIB. T. 14. Pervaya polovina. SPb, 1910.
13. Pushkin A.S. Pis'mo o «Borise Godunove». // Sobr. soch. v 10 tomah. T. 6 Kritika i publicistika. M.: GIHL, 1962.
14. Pushkin A.S. Pis'mo P.A. Vyazemskomu. Okolo 13 sentyabrya 1825. // Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 9, M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962.

Махмудова С.М.

Феномени интенциональных «Христианство, Россия и русский народ» в письмах из Италии и дневниках

Достоевского

Язык и текст langpsy.ru

2018. Том 5. № 3. С. 17–28.

Mahmudova S.M.

Phenomena of intentional "Christianity, Russia and the Russian people" in letters from Italy and Dostoevsky's diaries

Language and Text langpsy.ru

2018, vol. 5, no 3, pp. 17–28.

15. Pushkin A.S. Pis'mo P.A. Vyazemskomu ot 2 yanvarya 1831 //
16. Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 10, M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962.
17. Sbornik" Imperatorskago Russkago istoricheskago obshchestva. (RIO) Tom" sto sorok" vtoroj. M.: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1913.
18. Skazanie o Grishkѣ Otrep'evѣ // Russkaya istoricheskaya biblioteka (RIB). T. 13. SPb., 1891
19. Skazanie o Carstvѣ Carya Feodora Ioannovicha // Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Kommissieyu. Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k" Smutnomu vremeni. Tom" trinadcatyj. SPb.: 1891
20. Sobornyj prigovor" protiv" chernca Otrep'eva... lozhno nazyvayushchagosya Carevichem" Dimitriem" (1604 g.) // Sobranie gosudarstvennyh" gramot" i dogovorov", hranyashchihsya v" gosudarstvennoj kollegii inostrannyh" dѣl". CHast' vtoraya, sluzhashchaya dopolnieniem" k" pervoj. M.: Tip. Selivanovskogo, 1819.
21. Hroniki Smutnogo vremeni. // Konrad Bussov. Arsenij Elassonskij. EHlias Gerkman. «Novyj letopisec». M.: Fond Sergeya Dubova, 1998. – 608s. – (Istoriya Rossii i Doma Romanovyh v memuarah sovremennikov XVII-XX).

Куркин Б.А.
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов») Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 29–37.

Kurkin B.A.
«A Dead man's wife» (The role and significance of Marina Mnishek's character (image) in "Boris Godunov" tragedy by Alexander S. Pushkin) Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 29–37.

«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)

Куркин Б.А.,

*Доктор юридических наук, профессор кафедры
Международного права
Юридического института ТГТУ,
эксперт Германской службы академического обмена (DAAD),
Тамбов*

В данной статье анализируется образ Марины Мнишек из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». В работе приводятся оценки исторической Марии Мнишек, заключенные в народных сказаниях и былинах, русских летописях и официальных документах 17 века и показывается, как преломляются они в художественном образе Марины Мнишек у Пушкина.

Автор рассматривает образ Марины Мнишек в качестве необходимого дополнения к пушкинскому образу Самозванца и видит в обоих воплощение нечистой силы, изображенной в трагедии с помощью лексических средств и логики развития сюжета.

Ключевые слова: Марины Мнишек, народные сказания и былины, русские летописи, официальные документы, нечистая сила.

Для цитаты:

Куркин Б.А. «Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов») [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Kurkin.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Kurkin B.A. «A Dead man's wife» (The role and significance of Marina Mnishek's character (image) in "Boris Godunov" tragedy by Alexander S. Pushkin) [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Kurkin.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Пушкина прельщала мысль о трагедии без любовной интриги [14, с. 295], но вместо этого он изобразит в «Борисе Годунове» Марину Мнишек, объяснив появление любовной сцены желанием «лучше оттенить необычный характер» своей героини [Там же].

«Моя Марина славная баба» [15, с. 205], – скажет поэт, а в итоге выведет в трагедии холодную змею – «мертвую царевну», «любовницу мертвеца», живой труп

Волею автора из текста пьесы исчезнет сцена «Уборная Марины», чему так и не будет дано внятного разъяснения критиками, и что породит недоумение и сожаления читателей.

В ответ на критические замечания своих слушателей, считавших поведение Самозванца, открывшегося в пылу страсти Марине, нелогичным, психологически необоснованным и немотивированным, Пушкин будет досадовать, и отшучиваться [16, с. 10].

В результате современные литературоведы и по сию пору пытаются наиболее правдоподобно объяснить «нелогичный» поступок Самозванца. Одним словом, связанная с образом Марины Мнишек интрига остается нераскрытой и сию пору.

Учитывая строгое следование Пушкина исторической правде, полезно вспомнить, что представляла собой эта персона. Ее триумф на престоле продлился целых девять дней. И еще девять лет она находилась на авансцене русской Смуты. Иноземка и католичка, она успела короноваться русской царицей, чего никогда прежде не случалось с русскими православными женщинами.

Она была женой двух мужей самозванцев – двух еретиков-обманщиков и третьего – казака-разбойника, и сама была обманщицей и циничной вероотступницей, чье отношение к религии (не только к Православию, но и католицизму) вполне укладывалось в знаменитую формулу Генриха IV Французского «Париж стоит мессы». Эта маленькая хрупкая женщина, девочка была дьявольски властолюбива и пускалась во все тяжкие, претерпевая лишения и невзгоды, ради обретения утраченной власти. Впрочем, девица с иным характером, пусть даже и готовая беспрекословно выполнять указания Ватикана как свое неизбывное послушание, «кадровую комиссию» иезуитов не прошла бы.

Подобно тому, как целое предшествует части, отдельный образ может быть адекватно осмыслен лишь в рамках всей системы образов и порождаемых ими смыслов. В связи с этим дерзнем утверждать, что общий смысл «Бориса Годунова» не мог быть растолкован Пушкиным своим читателям, не вызвав у них чувство активного неприятия и даже протеста. И виной тому был глубоко религиозный смысл и характер трагедии, появившейся на свет в условиях тотальной секуляризации сознания в высших слоях русского общества.

Как справедливо отмечает историк А.Н. Боханов, «при господстве секулярного, внецерковного сознания признать и понять не только правоту, но всего лишь историческую обусловленность метафизического миропонимания невозможно. Оно ведь совершенно иное, построенное на духовном, а не на материалистическо-рационалистическом основании, исповедует сверхрациональные ценности, для секулярного ума непостижимые» [1, с. 80].

Начнем, однако, с того, что в своем произведении Пушкин строго следовал историческим источникам, каковыми стали для него жития святых, летописи, хроники, в которых отражалось видение современниками русской Смуты реальных исторических персонажей, изображенных спустя два века Пушкиным.

Весьма символично то, что Марина и Самозванец – запечатлелась в народной памяти и документах XVII века в качестве дополняющих друг друга inferнальных героев. Марина Мнишек – в качестве колдуньи, ведьмы, «обвернувшейся из окошка сорокою» [3, с.1131], а Гришка Отрепьев – в качестве дьявола.

«Гришка розстрижка Отрепьев сын

Думает умом своим царским:

“Поделаю крыльица дьявольски”,

“Улечу нунь я дьяволом”», – сказывается в былине «Гришка розстрижка», записанной на Русском Севере А. Гильфердингом [3, с. 111].

Получалось и впрямь, что «муж и жена – одна сатана».

Поразительны были и события, которые современники не могли интерпретировать иначе как «знаки». По свидетельствам очевидцев, при въезде Самозванца в Москву «поднялся сильный вихрь, что и, хотя в остальном стояла хорошая, ясная погода, ветер так сильно погнал песок и пыль на народ, что невозможно было открыть глаза. Русские очень испугались, стали по их обычаю осенять лицо и грудь крестом, восклицая: “Боже, спаси нас от несчастья!”» [22, с. 50].

Эта история повторилась при въезде Марины Мнишек в ранге царской невесты в Москву, когда «между Никитскими воротами и воротами у Львиного моста приподнялся такой же ужасный вихрь, как и при въезде Димитрия, что многими было истолковано как *malum omen* (дурное предзнаменование)». [22, с. 58].

Пренебрежительно и уничижительно «Маришкой», «еретицей и врагоугодницу веры и ереси Римской» [20, с. 823], (т.е. угодницей врагу рода человеческого и супостатам-ляхам), будут называть

ее русские авторы XVII века, а русские официальные документы, включая дипломатическую переписку с Польшей, – «ворухой Маринкою» [18, с. 527], т.е. государственной преступницей и женой двух государственных преступников, ее же сына от Лжедмитрия II (или от атамана Заруцкого) – «воренком», «выбледком» [18, с. 598], т.е. незаконнорожденным.

Вопрос о смысле и значении образа Марины Мнишек логично рассматривать в плане ее взаимоотношений героини с Отрепьевым, который предстает в русских документах, включая акты высшей государственной власти в качестве прислужника дьявола, предтечи антихриста и даже самого антихриста [2, с. 365 – 366].

«Расстрига окаянный», «бесовский сын», «сосуд дьявольский», «еретик» – так характеризуется он в русской агиографической литературе, летописях и прочих источниках XVII века [8, с. 77, 90; 7, с. 605; 18, с. 569, 570, 576, 580; 2, с. 365 – 366]. Все эти характеристики оказываются абсолютно верными и точными с духовной, православной точки зрения.

Именно так он именуется прочими пушкинскими персонажами (Патриархом, Игуменом и т.д.). Отрепьев продает душу дьяволу, что явствует из его сна – троекратного послания из тонкого мира. Вдумаемся: сон Григория – это сон-предостережение от замысленного им уже рокового шага («Буду Царем на Москве!»), на который его толкает нечистый.

Самозванец в истории, равно как и у Пушкина – это расстрига, сиречь, клятвопреступник, нарушающий клятву служения Богу. Самозванец отрекается от своего ангела-хранителя и переходит под «юрисдикцию» сатаны. Одновременно он отрекается от своих родителей, нарушая тем Пятую заповедь, и одновременно от своих предков и пращуров, разрывая тем цепь поколений.

Самозванец кощунствует, присваивая себе имя святого царевича. Он – злостный еретик, покушающийся на небесный «правопорядок», ибо даровать истинного царя может лишь Бог. Поэтому Самозванцы, с православной точки зрения, суть не просто авантюристы или узурпаторы власти, а нечто более серьезное и страшное: дьявольское. Оттого-то Церковь и предавала их анафеме. Кстати, анафему Гришке Отрепьеву пели еще и при жизни Пушкина, которую тот мог не раз слышать в праздник Торжества православия (первое воскресенье Великого поста).

Вот кому стала женой Марина Юрьевна Мнишек!

Сам Пушкин скажет об исторической Марине Мнишек, что «у нее была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьяненная несбыточной мечтой, отдается одному проходимцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор, в то же время ведет переговоры с польским королем как коронованная особа с равным себе и жалко кончает свое столь бурное и необычайное существование» [14, с. 295].

При неспешном – внимательном и вдумчивом – прочтении пушкинская трагедия становится художественным изображением русской Смуты, являющейся земным отражением незримой брани между силами света и тьмы в душе каждого отдельного человека, равно как и всего народа [7].

Зримым выражением ее становится земная история, в которой участники по видимости преследуют каждый свои посюсторонние цели, а в действительности исполняют роли, уготованные им их осознанным или неосознанным, но свободным выбором: служить Богу, строго блюдя заповеди, или дьяволу, сознательно нарушая их.

Мир «Бориса Годунова» – это мир, в котором сосуществуют и взаимодействуют духовный («тонкий») и земной миры, миры горний и дольний. Доказательством тому служат изображенные в трагедии чудеса – видение «мужа светла» блаженному царю Феодору Иоанновичу [13, с. 16 – 17], трепетанье тела мертвого Димитрия [4, л. 41], исцелении старца на могилке царевича [4, л. 31(оборот) — 32], нетленность мощей убиенного [10, с. 70].

Чудо же, как говорил Иоанн Златоуст, «есть дар божественной благодати, < > знак божественного дарования» [5, с. 62].

Ведь тут сообщается именно о воле Творца, поскольку совершаемые чудеса ни о чем ином поведать и не могут.

Как видим, изображая в своей трагедии чудеса, Пушкин не выдумывал решительно ничего, и сведения о них он черпал из житий святых, русских летописей и т.д. Такая документальность говорит о том, что изображаемый Пушкиным в трагедии мир и есть тот мир, в котором живут и автор, и читатель «Годунова», то есть мы с вами.

«Прекрасная Марина»

Образ Марины у Пушкина является существенным дополнением к образу Лжедмитрия, своеобразным зеркалом, в котором отражается его новое – самозванское – естество. Отрепьев продал душу дьяволу, и устав лицедействовать, пытается «нарушить контракт», но пути назад у него нет. Марина – сама «дщерь Тьмы» и предстает в трагедии в качестве части той силы – нежити и нечисти, – что разгулялась на Руси в Смутное время, персонажем, дополняющего образ Самозванца как символа воплощенной в человеческом обличье бесовщины. Марина становится представителем «куратора» Отрепьева из преисподней, отнимая у Григория даже призрачную возможности оставаться хоть на краткий миг человеком, а не одной лишь адовой маской.

Продав душу дьяволу, Гришка кардинально изменил свою человеко-скую сущность, превратившись в богословском смысле в чистую негатив-ность, в НИЧТО, став вечным лицедеем и лжецом – сыном отца лжи и погибели.

А что говорит о Самозванце Марина? Какими эпитетами награждает своего «суженого»? «Беглый монах, достойный позорной петли», «безумец», «безымянный бродяга», «дерзостный обманщик», «приимыш иезуитов».

Самое интересное во всем этом то, что сказанное является абсолютной правдой, «объективной истиной». Самозванцу нечем покланяться: у него нет ни имени, ни чести. Он – вор, т.е. государственный преступник (дерзостный обманщик) и потому «достоин позорной петли».

А теперь посмотрим, что говорит Пушкин устами своих героев о прекрасной Марине.

Кавалер на балу у воеводы Мнишка:

... мраморная нимфа:

Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Да это просто «мертвая царевна»!

Но этого мало. Пушкин добавляет еще одну реплику, усиливающую веющий дух тлена:

Нет! полно:

Я не хочу делиться с мертвецом

Любовницей, ему принадлежащей, – говорит в исступлении Отрепьев.

«Любовница мертвеца». Разумеется, логически рассуждая, речь идет совсем о другом: о том, что Марина любит царевича в Димитрии, а не Димитрия в царевиче. Однако, согласитесь, слово произнесено: «любовница мертвеца». Но какая любовница может быть у мертвеца? Неужто исполненная жизни?

А эти слова Отрепьева говорят еще больше:

шипит, грозит и жалит.

Змея! змея! – Недаром я дрожал.

Она меня чуть-чуть не погубила.

Разве это похоже на любовь? Это страсть - чувство, как учат нас Свя-тые отцы, опасное и греховное. И произносит монолог о своей пылкой «любви» Самозванец, находясь в состоянии, которое можно было бы назвать исступлением. Тоже известное и характерное для одержимого состояние. И ничего иного в разговоре с «мертвой царевной/царицей» быть не может.

Крайне важна здесь и знаменитая реплика Отрепьева «Тень Грозного меня усыновила». Вдумаемся в нее.

«Тень Грозного меня усыновила»

Инфернальность фигуры самозванца подчеркивается Пушкиным не только указанием на то, что он еретик. Автор использует и иные лексические средства. Многое раскрывается в сцене у фонтана, когда Самозванец гордо, как свидетельствует авторская ремарка, говорит Марине:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла –
Царевич я.

Да. Именно что «вокруг» Самозванца. Да. «Обрекла Бориса в жертву». Отрепьев говорит о падении царя как о свершившемся факте. Разумеется, тираду Самозванца можно рассматривать в качестве бахвальства – результат уязвленного Мариной самолюбия. Однако все последующие события лишь подтверждают его уверенность в себе и исходе дела. Логично предположить, что Самозванец получил некие «гарантии» от своего «куратора» из преисподней. Но можно и так: авторский гений говорит порою больше, чем это входит в его намерения.

Итак, «усыновило» Самозванца привидение царя Иоанна, призрак Грозного царя, а не душа его, не дух его и т.д. Но что такое привидение? Это странствующая без пристанища, не упокоенная, не отпетая душа. Но Иван Грозный был отпет, как ему по чину и полагалось: по царскому чину. Так что привидений никаких не должно было и не могло быть. Возможно, это метафора, которую использует Самозванец. Ну да, ему «знаком латинской музы голос», не правда ли? Но ведь слово в Божьем мире живет своей жизнью и будучи произнесено, создает новую реальность. А если тень Грозного – это бесовское искушение – и впрямь являлась ему? Как бы то ни было, а указание на нечистый характер «усыновления» инока Григория в пушкинском тексте присутствует, причем явственно. Напомним, что объяснение Отрепьева и Марины происходит ночью, когда оживает нечисть.

Жена мертвеца

Марина готова вступить в брачный союз с человеком, усыновленным привидением, тенью. Разумеется, если полагать, что мира невидимого не существует, то это само по себе мало что значит. Но ведь пространство и время «Бориса Годунова», равно как и его читателей мистично, и потому каждое слово, каждый поступок имеет иной и самый главный, скрытый от глаз план.

Брачный союз мистичен и многозначен. Недаром же русские цари венчались на царство, ибо таинство венчания и таинство венчания на царство подобны. И аналогом сему не могут быть никоим образом ни штамп в паспорте, ни клятва на конституции, ибо последние изначально не рассматриваются в качестве сакральных актов. Они всего лишь формально-юридические процедуры в мире, где по выражению известного героя М.А. Булгакова, «сам человек и правит», являя свою «самость», т.е. своеволие на языке православных богословов.

Надо ли говорить, на какой тяжкий грех готовы пойти и Отрепьев, присвоивший себе имя святого, и Марина Мнишковна, венчаясь с Самозванцем и одновременно венчаясь на царство! И над ней витал дух убиенного и прославленного на небесах царевича.

Пушкин, прекрасно знавший об ужасном конце Марины Мнишек предлагает читателю держать в уме то, что не вошло в пьесу, но известно, как непреложный исторический факт. Вот что говорится в Наказе русскому дипломату Ф.Сомову от 1615 года: «Ивашко (Заруцкий – третий муж Марины Мнишковны – Б.К.) за свои злые дела и Маринкин сын кажнен, а Маринка на Москве от болезни и с тоски по своем выbledке умерла; а государю было и бояром для обличенья ваших неправ надобна она жива» [18, с. 597 – 598].

Куркин Б.А.
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек
в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 29–37.

Kurkin B.A.
«A Dead man's wife» (The role and
significance of Marina Mnishek's character
(image) in "Boris Godunov" tragedy by
Alexander S. Pushkin)
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 29–37.

Так Пушкин расширяет хронотоп «Бориса Годунова», как бы приглашая читателя не только к сопереживанию действия, но и домысливанию сказанного.

Подытоживая сказанное, мы вправе утверждать, что в лице Самозванца и Марины Мнишек мы имеем дело с людьми, одержимыми похотью власти готовыми ради ее достижения пойти на чудовищный, смертный грех. Это какой-то союз ходячих мертвецов. Так, пользуясь лексическими средствами, Пушкин выражает инфермальную сущность двух своих героев.

При таком взгляде на образ Марины становится понятно, отчего Пушкин исключил сцену в уборной, в которой упоминается «алмазный мой венец», как противоречащую образу холодной мертвой властолюбивы. В ней образ Марины дышит живой жизнью.

Литература

1. Боханов А.Н. Борис Годунов. М.: Вече, 2012.
2. Временникъ дьяка Ивана Тимофеева // РИБ. Т. 13. СПб., 1891
3. Гильфердингъ А.Ф. Онежскія былины записанныя Александром Федоровичемъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года. САНКТПЕТЕРБУРГЪ. Типографія Императорской Академіи наукъ, 1873.
4. Димитрій Ростовскій св. Житіе царевича Димитрія Угличского // «Четы Миней» Т. 4, Июнь – Август. СПб.: Аксион эстин, 2009 Репринт изд. Киево-Печерской Лавры, 1764.
5. Иоанн Златоуст св. Бесѣда въ собраніи, бывшемъ чрезъ нѣсколько времени въ древней церкви, на надписаніе Дѣяній Апостольскихъ, и о томъ, что добродѣтельная жизнь полезнѣе знаменій и чудесъ, и чѣмъ отличается дѣятельность отъ знаменій. // Полное собраніе твореній святаго отца нашего Иоанна Златоуста Архіепископа Константинопольскаго, въ русскомъ переводѣ. Томъ третій въ двухъ книгахъ. Книга первая. С.-Петербургъ: Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи, 1897.
6. Книга глаголемая Новой лѣтописецъ. // РИБ Т.14. СПб., 1910
7. Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Тема народа в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Язык и текст. 2018 Т. 5, № 2. С. – 91 – 103.
8. Латухинская Степенная книга. 1676 год. Ред. Покровский Н.Н. М.: Издательство: Языки славянских культур, 2012.
9. Лѣтопись о многихъ мятежахъ и разореніи Московскаго государства отъ внѣшнихъ непріятелей и отъ тогдашнихъ временъ многихъ случаевъ, по преставленіи Царя Иоанна Васильевича, а также о Междугосударствованіи по кончинѣ Царя Феодора Иоанновича, по учиненномъ исправленіи книгъ в царствованіе благовѣрнаго Государя Царя Алексѣя Михайловича въ 7163/1655 году. Изданіе 2-е Москва, 1788.
10. Новый лѣтописецъ. // Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Императорскою Археографическою Комиссіею. Томъ 14. Первая половина. I Подъ ред. С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко — СПб: Типографія М.А. Александрова, 1910
11. Плачь о плененіи и о конечномъ разореніи Превысокаго и Пресвѣтлѣйшаго Московскаго государства, въ пользу и наказаніе послушающимъ. // РИБ. Т. 13. СПб., 1891.
12. Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по списку Императорской публичной бібліотеки Q. 4. № 154 // (РИБ). Т. 13. СПб., 1891
13. Повѣсть о честнѣмъ житіи Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всея Русіи. II. // РИБ. Т. 14. Первая половина. СПб, 1910.

Куркин Б.А.
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек
в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 29–37.

Kurkin B.A.
«A Dead man's wife» (The role and
significance of Marina Mnishek's character
(image) in "Boris Godunov" tragedy by
Alexander S. Pushkin)
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 29–37.

14. Пушкин А.С. Письмо о «Борисе Годунове». // Собр. соч. в 10 томах. Т. 6 Критика и публицистика. М.: ГИХЛ, 1962.
15. Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому. Около 13 сентября 1825. // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
16. Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому от 2 января 1831 //
17. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
18. Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. (РИО) Томъ сто сорокъ второй. М.: Типографія Г. Лиснера и Д. Собко, 1913.
19. Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ // Русская историческая библиотечка (РИБ). Т. 13. СПб., 1891
20. Сказаніе о Царствѣ Царя Феодора Иоанновича // Русская историческая библиотечка, издаваемая Императорскою Археографическою Коммиссіею. Памятники древней русской письменности, относящіеся къ Смутному времени. Томъ тринадцатый. СПб.: 1891
21. Соборный приговоръ противъ чернца Отрепьева... ложно называющагося Царевичемъ Димитріемъ (1604 г.) // Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Часть вторая, служащая дополненіемъ къ первой. М.: Тип. Селивановскаго, 1819.
22. Хроники Смутного времени. // Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. – 608с. – (История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX).

Куркин Б.А.
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек
в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 29–37.

Kurkin B.A.
«A Dead man's wife» (The role and
significance of Marina Mnishek's character
(image) in "Boris Godunov" tragedy by
Alexander S. Pushkin)
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 29–37.

«A Dead man's wife» (The role and significance of Marina Mnishek's character (image) in "Boris Godunov" tragedy by Alexander S. Pushkin)

Kurkin B.A.,

*Doctor of Law, Professor of International Law, Law Institute TSTU,
expert of the German Academic Exchange Service (DAAD).
Tambov*

The article is dedicated to analysing of the Marina Mnishek's image in "Boris Godunov" tragedy by Alexander S. Pushkin. It is describing historical assessments of Marina Mnishek's character in folktales and epic poems, Russian Chronicles and official records of the 17th century and the way they are transformed into Marina Mnishek's artistic image by Pushkin.

The author regards her image as a necessary complement to the character of The Impostor and considers their images as an incarnation of the Evil Spirit depicted by the tragedy through lexical means and logic of its unravelling plot.

Keywords: Marina Mnishek, historical assessments, folktales and epic poems, Evil Spirit.

References

1. Bohanov A.N. Boris Godunov. M.: Veche, 2012.
2. Vremennik" d'yaka Ivana Timofeeva // RIB. T. 13. SPb., 1891
3. Gil'ferding" A.F. Onezhskiya byliny zapisannyya Aleksandrom Fedo-rovichem" Gil'ferdingom" lbtom" 1871 goda. SANKTPETERBURG". Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk", 1873.
4. Dimitrij Rostovskij sv. ZHitie carevicha Dimitriya Uglichskogo // «CHet'i Minei» T. 4, Iyun' – Avgust. SPb.: Aksion ehstin, 2009 Reprint izd. Kievo-Pecherskoj Lavry, 1764.
5. Ioann Zlatoust sv. Bes'eda v" sobranii, byvshem" chrez" n'bskol'ko vremeni v" drevnej cerkvi, na nadpisanie D'byanij Apostol'skih", i o tom", chto dobrod'itel'naya zhizn' polezn'be znamenij i chudes", i ch'bm" otlichaetsya d'byatel'nost' ot" znamenij. //Polnoe sobranie tvorenij svyatago otca nashего Ioanna Zlatousta Arhiepiskopa Konstantinopol'skago, v" russkom" perevod'be. Tom" tretij v" dvuh knigah. Kniga pervaya. S.-Peterburg": Izdanie S.-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii, 1897.
6. Kniga glagolemaya Novoj lbtopisee". // RIB T.14. SPb., 1910
7. Kurkin B.A., Murashkina O.V. Tema naroda v tragedii A.S. Pushkina «Boris Godunov». YAzyk i tekst. 2018 T. 5, № 2. S. – 91 – 103.
8. Latuhinskaya Stepennaya kniga. 1676 god. Red. Pokrovskij N.N. M.: Iz-datel'stvo: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2012.
9. Lbtopis' o mnogih myatezhah i razorenii Moskovskogo gosudarstva ot" vn'bsnhnih" nepriyatelej i ot" togdashnih" vremen" mnogih" sluchaev", po prestavlenii Carya Ioanna Vasil'evicha, a takzhe o Mezhdugosudarstvo-vanii po konchin'be Carya Feodora Ioannovicha, po uchinennom" isprav-lenii

Куркин Б.А.
«Жена мертвеца» (Смысл и значение образа Марины Мнишек
в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 29–37.

Kurkin B.A.
«A Dead man's wife» (The role and
significance of Marina Mnishek's character
(image) in "Boris Godunov" tragedy by
Alexander S. Pushkin)
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 29–37.

- knig" v carstvovanie blagovѣrnago Gosudarya Carya Aleksѣya Mihajlovicha v" 7163/1655 godu. Izdanie 2-e Moskva, 1788.
10. Novyj lѣtopiseц". // Polnoe sobranie russkih" lѣtopisej, izdannoe po Vysochajshemu povelѣniju Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissieyu. Tom" 14. Pervaya polovina. I Pod" red. S. F. Platonova i P. G. Vasenko — SPb: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910
 11. Plach" o plenenii i o konechnom razorenii Prevysokago i Presvѣtlѣjshago Moskovskago gosudarstva, v" polzu i nakazanie poslushayushchim". // RIB. T. 13. SPb., 1891.
 12. Povѣst' knyazya Ivana Mihajlovicha Katyreva-Rostovskago po spisku Imperatorskoj publichnoj biblioteki Q. 4. № 154 // (RIB). T. 13. SPb., 1891
 13. Povѣst' o chestnѣm" zhitii Carya i Velikago Knyazya Feodora Ivanovicha vseya Russii. II. // RIB. T. 14. Pervaya polovina. SPb, 1910.
 14. Pushkin A.S. Pis'mo o «Borise Godunove». // Sobr. soch. v 10 tomah. T. 6 Kritika i publicistika. M.: GИL, 1962.
 15. Pushkin A.S. Pis'mo P.A. Vyazemskomu. Okolo 13 sentyabrya 1825. // Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 9, M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962.
 16. Pushkin A.S. Pis'mo P.A. Vyazemskomu ot 2 yanvarya 1831 //
 17. Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 10, M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962.
 18. Sbornik" Imperatorskago Russkago istoricheskago obshchestva. (RIO) Tom" sto sorok" vtoroj. M.: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1913.
 19. Skazanie o Grishkѣ Otrep'evѣ // Russkaya istoricheskaya biblioteka (RIB). T. 13. SPb., 1891
 20. Skazanie o Carstvѣ Carya Feodora Ioannovicha // Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissieyu. Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, otnosyashchiesya k" Smutnomu vremeni. Tom" trinadcatyj. SPb.: 1891
 21. Sobornyj prigovor" protiv" chernca Otrep'eva... lozhno nazyvayushchagosya Carevichem" Dimitriem" (1604 g.) // Sobranie gosudarstvennyh" gramot" i dogovorov", hranyashchihsya v" gosudarstvennoj kollegii inostrannyh" dѣl". CHast' vtoraya, sluzhashchaya dopolneniem" k" pervoj. M.: Tip. Selivanovskogo, 1819.
 22. Hroniki Smutnogo vremeni. // Konrad Bussov. Arsenij Elassonskij. EHlias Gerkman. «Novyj letopiseц». M.: Fond Sergeya Dubova, 1998. – 608s. – (Istoriya Rossii i Doma Romanovyh v memuarah sovremennikov XVII-XX).

Классическая литература на уроках иностранного языка: «Белые ночи» Достоевского и Висконти¹

Литвин Е.А.,

преподаватель кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, evgenya.litvin@gmail.com

Статья содержит сравнительный анализ повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи» и одноименного фильма Лукино Висконти, а также предлагает дидактические материалы для использования фильма во время занятия итальянского языка. Занятие рассчитано на русскоязычных студентов второго-третьего годов обучения.

Ключевые слова: Достоевский, Висконти, русская литература, киноадаптации, итальянское кино, лингводидактика.

Для цитаты:

Литвин Е.А.. Классическая литература на уроках иностранного языка: «Белые ночи» Достоевского и Висконти [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Litvin.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Litvin E.A.. Russian Literature at the Italian language lessons. "White nights" of Dostoevsky and Visconti [Elektronnyy resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2018, vol. 5, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Litvin.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Ф.М. Достоевский - один из самых переводимых и популярных за рубежом авторов русской классической литературы (ср., например, [6, с. 1]). Италия в этом смысле не является исключением: Достоевского читают далеко не только филологи-слависты, но и самая широкая публика, а экранизаций его произведений больше, чем текстов любого другого русского писателя [2, с. 167-169].

Данная статья предлагает пример работы с текстом классической литературы (повестью Достоевского «Белые ночи») и его экранизацией (фильмом Лукино Висконти *Le notti bianche*) в русскоязычном классе на уроке итальянского языка. Такое сочетание материалов было выбрано по нескольким причинам. Фильм Висконти удобен для показа и разбора во время занятий. Во-первых, он логичным образом делится на несколько частей, так как его действие занимает несколько суток, и поэтому работу с ним можно разбить на несколько занятий, сохранив целостность сюжетной линии. Во-вторых, развязка любовного треугольника остается неясной до последней минуты, что удерживает внимание студентов и позволяет преподавателю в какой-то момент устроить дискуссию, попросив высказать гипотезы относительно того, чем закончится фильм. В-третьих, речь актеров достаточно медленная и простая для понимания, и фильм вполне можно предлагать студентам с уровнем знания языка В1-В2.

Методологическим ориентиром, на который я опиралась в своей работе, можно считать серию издательства Guerra «Quaderni di cinema italiano per stragneri», предназначенные для работы изучающих итальянский язык как иностранный с фильмами. Каждое издание посвящено конкретному фильму, форма работы предполагает, что студенты смотрят фильм вместе с преподавателем по частям, а во время перерывов между частями выполняют упражнения на самые различные компетенции: пополнение лексического запаса, исходя из тематики фильма, аудирование,

¹ Проект выполнен при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-012-90034. Достоевский и Италия).

отработка грамматических правил и улучшение навыков написания текста, а также обсуждение лингвострановедческих аспектов.

Наконец, еще одной немаловажной причиной для использования именно этого фильма является тот факт, что фильм Висконти является примером итальянского взгляда на русскую литературу, адаптации ее к итальянским временным и пространственным реалиям, да и собственно все диалоги основных персонажей представляют собой примеры межкультурной коммуникации между русской девушкой и итальянским молодым человеком. Более того, если внимательно посмотреть на основные элементы отношений между Марио и Натальей: знакомство, флирт, влюбленность, рассказы о семье, о погоде, о переезде в другой город, обсуждение и написание письма, - то окажется, что они до комичного похожи на те диалоги, которые представлены в начальных уроках большинства современных учебников иностранных языков, построенных на коммуникативном методе. Работа с этим фильмом позволяет преподавателю активизировать различные пласты уже пройденной ранее бытовой лексики, однако теперь добавить к этому серьезный лингвострановедческий (в том, что касается Италии 1950-х годов) и культурный компонент.

Для того, чтобы лучше представить себе, каким образом вести разговор о фильме с лингвострановедческой точки зрения, далее мы приведем краткий обзор академических работ, посвященных экранизации «Белых ночей». Их количество не очень велико. Н.Х. Орлова в статье «Русская классика в итальянском кинематографе» приводит хронологию итальянских фильмов, снятых по произведениям русской литературы, во второй половине двадцатого века. В статье не содержится подробного сравнительного анализа тех или иных фильмов, однако из нее можно понять, что Достоевский является лидером по количеству экранизаций в самые разные десятилетия [2, с. 167-169].

Еще две работы российских авторов [1; 5] из Омского университета сравнивают различные западные интерпретации текстов Достоевского, однако выводы о повести «Белые ночи», содержащиеся в них, можно свести к одной простой мысли о том, что время и пространство действия повести изменено, а главный герой отличается от персонажа Достоевского.

Статья Н.Г. Федосеенко [4] целиком посвящена повести «Белые ночи» и анализирует ее экранизации, сделанные как на советском и постсоветском пространстве, так и зарубежными режиссерами с 1950-х по 2000-е годы («Белые ночи» И. Пырьева 1959 г., «Белые ночи» Лукино Висконти 1957 г. «Четыре ночи мечтателя» Роберта Брессона 1971 г., «Возлюбленная» индийского режиссера Санджай Лила Бхансали 2007 г. и Л. Квихинидзе 1992 г.). Эта статья также в основном является описательной, а ее основным выводом служит идея о том, что ни одна из постановок, за исключением последней, не передает подлинную атмосферу Петербурга. Тем не менее, анализу главного героя в фильме Висконти посвящена пара абзацев, из которых мы узнаем, что Марио отличается от Мечтателя в оригинальном тексте тем, что он меньше времени проводит в уединенном размышлении и больше живет реальной жизнью в современном ему обществе [там же, с. 3-4]. Эту идею более подробно развивают авторы следующих работ.

Статья Джорджи Пуллини, написанная по-итальянски [8], полностью посвящена сравнению повести Достоевского и фильма Висконти. В ней подчеркивается контраст между Натальей (так у Висконти названа «Настенька», главная героиня «Белых ночей») и «Мечтателем» Марио. Мужской персонаж не похож на героя Достоевского, а выглядит и ведет себя как более-менее типичный молодой итальянец послевоенного времени. В отличие от одинокого мизантропа-мечтателя из повести, он проводит выходной с коллегами по работе (фильм начинается с их прощания в трамвае), регулярно выходит развлекаться по вечерам (см. сцену диалога с квартирной хозяйкой), бывает в барах и на танцплощадках, может быть объектом настойчивого внимания проститутки (персонаж, введенный в фильме и отсутствующий в повести) и вполне способен не только познакомиться с девушкой на улице, но и защитить ее от хулиганов [там же, с. 224-227].

То, что Марио – в куда большей степени человек действия, чем Мечтатель, подчеркивается тем, что он не передает, в отличие от персонажа Достоевского, письмо девушки ее возлюбленному, а разрывает его на куски, после чего признается ей в этом. Кроме того, кульминационный монолог Мечтателя – рассказ о переезде в новый город и об одиночестве, в фильме сведен к минимуму и помещен посреди сцены танцев, куда Марио сам же и пригласил девушку [там же, с. 226-227].

При этом образ Натальи значительно меньше отличается от героини оригинального текста – и благодаря этому контраст двух персонажей более заметен: она славянских корней (и играет ее актриса хоть и не русского происхождения, но с характерной экзотической внешностью: белокожая и светловолосая Мария Шелл, говорящая по-итальянски с иностранным акцентом). Она старомодно одета, а сохраненный в фильме рассказ о бабушке, которая прикалывает ее к своему платью булавкой, еще больше добавляет экзотичности ее образу [там же, с. 227-229].

Таким образом, если в повести Достоевского встречаются два персонажа, живущие собственными иллюзиями и мечтами, то в фильме Висконти, главный герой, деятельный и вполне успешно ориентирующийся в окружающем его мире, встречает девушку, словно вышедшую со страниц книги девятнадцатого века, и так же загадочно растворяющуюся в пространстве в финальной сцене [там же, с. 229].

В еще одной работе, анализирующей различные экранизации повести [7] отмечается, что контраст между главными героями подчеркнут в фильме также и на визуальном уровне. Действие перенесено в итальянский город Ливорно, где и снимался фильм. Марио и Наталья живут на соседних улицах, разделяемых лишь небольшим каналом, однако выглядят эти части города очень по-разному. Улица, на которой живет Наталья, – темная, пустая, с полуразрушенными зданиями из прошлых эпох (возможно, во время Второй мировой войны?). Улица Марио ярко освещена, там неоновые вывески, кафе и бары. [там же, с. 45].

Иными словами, Марио действительно “продукт своего времени”: молодой итальянец послевоенных лет, который в поисках работы уехал из родного города и снимает комнату, а по вечерам шатается по улицам в поисках развлечений. Почти все исследователи указывают на то, что выбор танца, который исполняется в фильме, не случаен: это модный в Италии этого периода рок-н-ролл (ср. с песней Ренато Каросоне *Tu Vuò Fa' L'Americano*, где высмеиваются именно такие юноши пятидесятых годов, увлеченные модой на американскую музыку).

Приметы времени, появляющиеся в фильме, можно использовать как для того, чтобы поговорить на занятии о послевоенном периоде в истории страны, так и для того, чтобы подробнее обсудить творчество Лукино Висконти (экранизация повести Достоевского является второй из трилогии фильмов о послевоенной Италии) и его отношения с итальянским неореализмом [3].

Далее я приведу дидактические материалы для занятия или цикла занятий по фильму Висконти и его сравнительному анализу с повестью Достоевского. Я бы предложила такую последовательность работы:

1) Просмотр фильма по частям с обсуждением и упражнениями после каждой части. На этом этапе не предполагается сравнение текста Достоевского и фильма, для того, чтобы не разрушать интригу сюжета в фильме.

2) После просмотра фильма до конца и выполнения всех заданий, связанных с отдельными частями, в качестве заключительного задания можно попросить студентов перечитать «Белые ночи» Достоевского и написать эссе, сравнивающее два текста, или обсудить их устно на следующем занятии.

Просмотр первой части фильма (первые 16 минут); вспомогательная лексика:

Infastidire	Надоедать, докучать
Accompagnare a casa	Проводить домой
Spezzare il cuore	Разбить сердце
Il capoufficio	начальник

Stare zitto	молчать
Non avere niente da fare / Avere un sacco di cose da fare	Быть свободным (в данный момент) / Иметь кучу дел
Timido/a, la timidezza	Скромный / -ая скромность
Sbrigati! / si sbrigi!	Скорее, собирайся / -йтесь
Pagare aparte	Платить отдельно

Упражнения:

1) Поставьте глаголы в форму imperativo 2 л. ед. числа, 3 л. ед. числа и 2 л. мн. числа:

Infastidire	Надоедать, докучать
Accompagnare a casa	Проводить домой
Spezzare il cuore	Разбить сердце
Il capoufficio	начальник
Stare zitto	молчать
Non avere niente da fare / Avere un sacco di cose da fare	Быть свободным (в данный момент) / Иметь кучу дел
Timido/a, la timidezza	Скромный / -ая скромность
Sbrigati! / si sbrigi!	Скорее, собирайся / -йтесь
Pagare aparte	Платить отдельно

2) Che cosa significa “essere timido”? Spiegatele in italiano. Voi siete timidi? In quali situazioni?

3) Che rapporto ha Mario con la signora che lo sveglia? Chi è lei? Che cosa Mario chiede a lei di fare?

Просмотр второй части фильма (минуты 16-38); вспомогательная лексика:

E' meglio che se ne va	Лучше будет, если вы уйдете
Perseguire	преследовать
Dare un appuntamento a...	Назначить встречу кому-то
Evidentemente	Ясное дело, очевидным образом
Cieco/a	Слепой / -ая
La spilla	Булавка
Umido/a	Влажный / -ая
Severo/a	Суровый / -ая
Non desidero di meglio	Ничего лучшего не хочу
Versare lacrime per...	Проливать слезы из-за...
Il tappeto	ковер
Riparare	Чинить, ремонтировать
Tirare avanti	Справляться, сводить концы с концами
L'inquilino	жилец
Essere di bel aspetto	Иметь приятную наружность
A voce alta	Громким голосом
Chiedere / dare il permesso	Спросить / дать разрешение
Di nascosto	тайком

Il strangolatore	Душитель, убийца
“Il barbiere di Seviglia”	“Севильский цирюльник”
Disdire l’affitto / fare la disdetta	Разорвать контракт (аренды)
Cerca di capire	Попробуй понять
(non) essere in condizioni di..	(не) быть в состоянии что-то сделать
Essere in guai	Иметь неприятности
Tenere impegnato qualcuno	Заставлять кого-то держать клятву
Te lo giuro!	Я клянусь тебе!

1) Переведите вместе с преподавателем, прокомментируйте грамматическую форму выделенных глаголов:

- Ma io credevo che Lei avesse capito... Io devo tornare qui. Aspetto qualcuno...
- Non sono pazza, non abbia paura...
- Una mattina, sicura che non fosse in casa, con la scusa delle facende, sali in camera sua...
- Credo che i miei libri le piacciaiano, se le interessa, prenda pure. Li ho gia letti tutti.

2) Traducete in italiano:

- Возьмите и эти тоже.
- У вас, наверное, много времени на чтение книг.
- На вашем месте я бы подумал об этом.
- Он ничего не сказал. Но для меня это было, как будто мы сказали все.
- Я сказала, что хотела бы уехать с ним.

3) La nonna di Natalia canta l’aria di Rosina dell’opera di Rossini “Il barbiere di Seviglia”. Ascoltate l’aria e traducete questo frammento:

Ma se mi toccano
dov’è il mio debole,
sarò una vipera
e cento trappole
prima di cedere
farò giocar

Io sono docile,
son rispettosa,
sono ubbediente,
dolce, amorosa;
mi lascio reggere,
mi fo guidar.

Обложка диска с записью «Севильского цирюльника»;
Мария Каллас в роли Розины

4) Ricostruite la storia della famiglia di Natalia. Di quale origine è lei? Con chi abita? Che cosa è successo quando è arrivato a casa un nuovo inquilino?

Просмотр третьей части фильма (минуты 38-50); вспомогательная лексика:

Ingenuo/a	Невинный / -ая
Il mestiere	Профессия
Il mascalzone	Мерзавец, негодяй
Fissare l'appuntamento	Назначить встречу
Fare il primo passo	Сделать первый шаг
Da un intero anno	Уже целый год
Essere in attesa di...	Ожидать чего-то
Cambiare l'intenzione	Изменить намерения
Nei miei riguardi	Касательно меня
Chiarire le cose	Прояснить дело
Avere l'occasione...	Иметь возможность...
Consegnare la lettera	Передать письмо
L'acqua bollente	Кипяток
Il raffreddore	Простуда
(avere) i rimorsi	сожалеть о чем-то, испытывать угрызения совести...

1) Ricostruite la lettera di Natalia. Se avete bisogno, riascoltate questo frammento.

2) Ricordiamo il lessico. Finite le frasi (ognuno deve dare una risposta diversa):

- Quando ho il raffreddore, io...
- Da un intero anno io...

Просмотр четвертой части фильма (минуты 50-01.08); вспомогательная лексика:

Persuadere (qualcuno)	Убедить (кого-то)
Quello che conta è ...	То, что имеет значение, это...
Il tacco	Каблук
Scivolare / scivoloso	Подскользнуться / скользкий
Non mi va	Мне не хочется
Aprofittarsi di	Воспользоваться чем-то
Il vigliacco	Трус, подлец

- 1) Rispondete alle domande:
 - Che tipo di musica suona nel bar dove vanno Mario e Natalia?
 - Perché Natalia fugge?
 - Chi è la donna bruna? Che cosa succede nella scena con lei?
- 2) Parlate con i vostri compagni del banco:
 - Quale musica vi piace?
 - Vi piace ballare?

Просмотр пятой части фильма (01.08-до конца); вспомогательная лексика:

Devo confessarmi / fare una confessa	Я должен признаться в...
Buttare via	Выбросить
Crederne nelle favole	Верить в сказки
Tutto andrà per il meglio	Все будет хорошо!
Disprezzare	Презирать, ни во что не ставить
Ingannare / -rsi	Обманывать / -ться
Dare del tu / lei	Называть (кого-то) на «ты» / на «вы»
nevica	Идет снег

1) Quante volte si sono incontrati Mario e Natalia? Scrivete una breve sintesi.

2) Rispondete alle domande e discutete:

- Cosa ne pensate voi, di questa storia d'amore? Se foste voi i registi, quale finale avreste preferito?
- Dove e in quale periodo, secondo voi, abitano i personaggi?
- Perché l'ultima notte nevica? Che cosa simboleggia la neve, secondo voi?
- Perché il film si chiama "Le notti bianche"?

3) A casa leggete il racconto "Le notti bianche" di F.M. Dostoevsky e scrivete un testo di circa 200 parole confrontando il film ed il testo originale del racconto.

Литература

1. Гарвардт Е.В. Произведения Ф. М. Достоевского в современной культуре: литературный текст и текст кинематографический, к вопросу о проблеме перехода. Вестник Омского университета, 2012, № 1. С. 245-251.
2. Орлова Н.Х. Русская литература в итальянском кинематографе. Вестник ТПУ, 2015, № 5 (158). С. 164-170.
3. Плахов А. Морок белых ночей. Сеанс, 16 сентября 2016 г. Эл; публ. Последнее обращение – 7 октября 2018 г. <https://seance.ru/blog/notti-bianche/>
4. Федосеев Н.Г. Белые и не белые ночи: экранизация повести Ф. М. Достоевского и проблемы национального менталитета. Концепт, 2016, № 9. С. 1-6.
5. Щетинина Е.В. Художественная интерпретация произведений Ф. М. Достоевского в современной массовой культуре. Вестник Омского университета, 2011, № 1. С. 209-214.
6. Burry Alexander. Introduction – Filming Russian Classics – Challenges and Opportunities // Alexander Burry, Frederick. H., White, ed. Border Crossing: Russian Literature into Film. Edinburgh, 2016. Pp. 1-16.
7. Meyer Ronald. Dostoevskii's "White Nights". The Dreamer Goes Abroad // Alexander Burry, Frederick. H., White, ed. Border Crossing: Russian Literature into Film. Edinburgh, 2016. Pp. 40-63.
8. Pullini Giorgio. Le notti bianche: da Dostoevskij a Visconti. Studi Novecenteschi, Vol. 35, No. 75 (gennaio - giugno 2008), pp. 221-230).

Russian Literature at the Italian language lessons. "White nights" of Dostoevsky and Visconti

Litvin E.A.,

Lecturer of the Chair Linguodidactics and intercultural communication” department of MSUPE,
Moscow, Russia, evgenya.litvin@gmail.com

The article contains a comparative analysis of the Dostoevsky’s novel “White nights” and its film adaptation made by Luchino Visconti. It also contains didactic materials that let use the novel and its adaptation at an Italian language lesson. The lesson is meant for Russian-speaking students of intermediate or upper-intermediate level of Italian.

Keywords: Marina Mnishek, historical assessments, folktales and epic poems, Evil Spirit.

References

1. Garvardt E.V. Proizvedeniya F. M. Dostoevskogo v sovremennoj kul'ture: literaturnyj tekst i tekst kinematograficheskij, k voprosu o probleme perekhoda. Vestnik Omskogo universiteta, 2012, № 1. S. 245-251.
2. Orlova N.H. Russkaya literatura v ital'yanskom kinematografe. Vestnik TPGU, 2015, № 5 (158). S. 164-170.
3. Plahov A. Morok belyh nochej. Seans, 16 sentyabrya 2016 g. EHI; publ. Poslednee obrashchenie – 7 oktyabrya 2018 g. <https://seance.ru/blog/notti-bianche/>
4. Fedoseenko N.G. Belye i ne belye nochi: ehkranizaciya povesti F. M. Dostoevskogo i problemy nacional'nogo mentaliteta. Koncept, 2016, № 9. S. 1-6.
5. SHCHetinina E.V. Hudozhestvennaya interpretaciya proizvedenij F. M. Dostoevskogo v sovremennoj massovoj kul'ture. Vestnik Omskogo universiteta, 2011, № 1. S. 209-214.
6. Burry Alexander. Introduction – Filming Russian Classics – Challenges and Opportunities // Alexander Burry, Frederick. H., White, ed. Border Crossing: Russian Literature into Film. Edinburgh, 2016. Pp. 1-16.
7. Meyer Ronald. Dostoevskii’s “White Nights”. The Dreamer Goes Abroad // Alexander Burry, Frederick. H., White, ed. Border Crossing: Russian Literature into Film. Edinburgh, 2016. Pp. 40-63.
8. Pullini Giorgio. Le notti bianche: da Dostoevskij a Visconti. Studi Novecenteschi, Vol. 35, No. 75 (gennaio - giugno 2008), pp. 221-230.

Russian Literature at the Italian language lessons. "White nights" of Dostoevsky and Visconti

Litvin E.A.,

Lecturer of the Chair Linguodidactics and intercultural communication” department of MSUPE,
Moscow, Russia, evgenya.litvin@gmail.com

The article contains a comparative analysis of the Dostoevsky’s novel “White nights” and its film adaptation made by Luchino Visconti. It also contains didactic materials that let use the novel and its adaptation at an Italian language lesson. The lesson is meant for Russian-speaking students of intermediate or upper-intermediate level of Italian.

Keywords: Marina Mnishek, historical assessments, folktales and epic poems, Evil Spirit.

References

1. Garvardt E.V. Proizvedeniya F. M. Dostoevskogo v sovremennoj kul'ture: literaturnyj tekst i tekst kinematograficheskij, k voprosu o probleme perekhoda. Vestnik Omskogo universiteta, 2012, № 1. S. 245-251.
2. Orlova N.H. Russkaya literatura v ital'yanskom kinematografe. Vestnik TPGU, 2015, № 5 (158). S. 164-170.
3. Plahov A. Morok belyh nochej. Seans, 16 sentyabrya 2016 g. EHI; publ. Poslednee obrashchenie – 7 oktyabrya 2018 g. <https://seance.ru/blog/notti-bianche/>
4. Fedoseenko N.G. Belye i ne belye nochi: ehkranizaciya povesti F. M. Dostoevskogo i problemy nacional'nogo mentaliteta. Koncept, 2016, № 9. S. 1-6.
5. SHCHetinina E.V. Hudozhestvennaya interpretaciya proizvedenij F. M. Dostoevskogo v sovremennoj massovoj kul'ture. Vestnik Omskogo universiteta, 2011, № 1. S. 209-214.
6. Burry Alexander. Introduction – Filming Russian Classics – Challenges and Opportunities // Alexander Burry, Frederick. H., White, ed. Border Crossing: Russian Literature into Film. Edinburgh, 2016. Pp. 1-16.
7. Meyer Ronald. Dostoevskii’s “White Nights”. The Dreamer Goes Abroad // Alexander Burry, Frederick. H., White, ed. Border Crossing: Russian Literature into Film. Edinburgh, 2016. Pp. 40-63.
8. Pullini Giorgio. Le notti bianche: da Dostoevskij a Visconti. Studi Novecenteschi, Vol. 35, No. 75 (gennaio - giugno 2008), pp. 221-230.

Эсхатологические мотивы в рутульской поэзии

Сулейманова Т.А.,

кандидат филологических наук, доцент Дагестанского государственного технического университета, Махачкала, Россия.
Suleimanova14@mail.ru

В рутульской поэзии, известная история которой начинается с XI-XII с имени Зейнаб Хинави, ашуги в дореволюционный период и поэты послереволюционного периода разрабатывали несколько основных тем – любовная лирика, философская лирика, духовная лирика. Одна из основных – философская лирика, в которой эсхатологические мотивы занимают особое место.

Ключевые слова: рутульская литература, эсхатология, стихотворения рутульских поэтов, посвященные теме старости и смерти.

Для цитаты:

Сулейманова Т.А. Эсхатологические мотивы в рутульской поэзии [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Suleymanova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Suleymanova T.A. Eschatological motifs in Rutul poetry [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2018, vol. 5, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Suleymanova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Отношение к смерти в стихотворениях Юсифа (Меджидова Гаджи-Юсуфа) светлое, доброе, он относится к жизни и смерти с пониманием, только просит Бога об одном – дать уверенность, что жизнь и после его смерти будет так же продолжаться (Зы ана ки, адишне ки “Со мной и без меня”):

Юсиф

Зы ана ки, адишне ки

Дуьнйаа гьаман дуьнйаа виъи
Зы ана ки, адишне ки,
Йыгъ ки йиъи, выш ки йиъи
Зы ана ки, адишне ки.

Хьиде быт1рад лувзур а кьваз,
Гъавыди дурныймыд аваз,
Ливес виригъ, луввч1уси ваз
Зы ана ки, адишне ки.

Са кар а Йинчидаа йаъа1д –
Са йик1иклаа мыгъыйне кьва1д,
Йыкьас, хьур, хьад, йыкьас, хьур, кьы1д
Зы ана ки, адишне ки.

Со мной и без меня

Земля останется землей
Всегда - со мной и без меня.
День-ночь, меняясь чередой,
Пройдут - со мной и без меня.

Прекрасный лебедь на волнах,
Крик журавлиный в небесах,
Восход, закат - как на часах,
Пройдут. Со мной и без меня.

Не дай сомнений, Боже, в том,
Что продолжают колесом
Весна с зимою день за днем
Свой путь - со мной и без меня.

(Перевел с рутульского Ф. Дашлай)

Быч1быр кал и зы

Б1хьа1 лидкьыд, амма к1ыб кьуру йишид,
Лаь банымы лидкьыд быч1быр кал и зы,
Са дамджи хьидихда сусатмиш йишид,
Кьурахара гьудхьуд быч1быр кал и зы.

Аман мабдиш, вахьде миннет ваьадхьур,
Тамам ры1хь вишири ваала йик1 гьудхьур,
Йыгьа-выше выды гьа1срат диьидхьур,
Ц1инды сырыы сихьид быч1быр кал и зы.

Ва дамах ваьара, зас вылц1ара дагь,
Ва ливк1ва выгыри маннийды чирагь,
Гьы1джрандид хаста и йишир а таптах,
Ругума хаагьур а быч1быр кал и зы.

Гьеми дуьнйаа зас дар виьи, назлы яр,
Ми гьу1няала кам диш дердед-кьамдид бар,
Гьу1мирдиды быч1ис к1ыб йывхь1р а хар,
Виран йишид багьдид быч1быр кал и зы.

Ваала гирк1ыд кар, валлагь, захда адиш,
Юсифыс ра1гим ваьас инсаф вахда диш,
Джандихда гьа1л, улаба нур амаадиш,
Хумухун к1ер сидхьуд быч1быр кал и зы.

В стихотворении Гьай Йиниш “О Аллах!” Юсиф бунтует против бессмысленности жизни и смерти, обращаясь к Богу с просьбой, почти требованием, разъяснить ему причину появления его на свет, но в конце стихотворения выражает смирение с уделом человека, вспоминая, что этот мир покинули даже такие великие поэты, как Омар Хайям:

Гьай Йиниш!

О Аллах!

Зы дишне ки ливеси

Я умру, но освещен,

Гъеми ваз, гъеми виригъ,
Хабар джившир, руъуси
Гъу!мирдиклаа гъеми йыгъ.

Будет солнцем небосклон,
Не меня не находя,
Серп луны обыщет дом.

Зы накъудиклаа гъыгъыр,
Гене закляа накъв хъывыгъыр,
Бес зы гъыгын яратмиш
Ма!гъна шивий, гъай Йиниш?!

Ты из праха сотворил,
Ты и в землю обратил,
Цель мне жизни, о Аллах,
Что же Ты не объяснил?!

Варагъыр эджелдид джам,
Гъаархы!ри къа!сды Хайям...
Юсиф, артухда тама!гъ
Зас гъа!рам и, зас гъа!рам...

Выпив свой последний джам,
Мир покинул сам Хайям...
Юсиф, большего желать
Нам харам, нам харам...
(Перевод С.М.Махмудовой).

Тему жизни и смерти поднимает в своих произведениях и Шафи Ибрагимов. Так, в стихотворении “Гъеч е къа!се джудгъу!д хъур ай” (“Думал, что никогда не состаримся”) поэт размышляет о закате человеческой жизни, обращаясь со старостью как со своим другом, правда, нежеланным. Стихотворение “Гъеч е къа!се джудгъу!д хъур ай” построено в форме диалога со старостью, которую поэт называет другом, товарищем:

Йыкъа, дуст, аъ хала йыкъа,
Гъеч е къа!се джудгъу!д хъур ай!
Йыкъа, ер ва!лара, сукъа,
Гъеч е къа!се джудгъу!д хъур ай!

Заходи, друг, домой зайди,
Эту старость мы не ждали,
Уж известно, куда пройти,
Эту старость мы не ждали!

Гуъзгуъ хъура гехъеэльэрдиш,
Ч!удха!рмыклаа аман мабдиш,
Ми дердес са дарман мабдиш,
Гъеч е къа!се джудгъу!д хъур ай!

От зеркал мы не отходим,
По морщинам взгляд проводим,
А спасеня не находим,
Эту старость мы не ждали.

Гъу!мир гъаабхы!р са мемзил кал,
Къайгъусызды дебдебил кал,
Хъадис лидхъуд быч!ид ил кал,
Гъеч е къа!се джудгъу!д хъур ай!

Жизнь прошла, как миг короткий,
Словно легкий мотылек жил,
Словно запах роз далекий,
Эту старость мы не ждали.

Амма йик!ис хабар адиш,
Гъеч джудыбыр аа силхъеэрдиш,
Зы къа!се и - йидж къа!се диш
Гъеч е къа!се джудгъу!д хъур ай!

Сердце же не понимает,
И надежд не забывает,
Что я стар – не принимает,
Эту старость мы не ждали.

Къа!свалды, дуст, бар викиси,
Эхир бейхабар йикиси.
Эккед дуьнйаа дар викиси,
Гъеч е къа!се джудгъу!д хъур ай!

Старость, друг, обузой будет,
И конец внезапным будет,
Белый свет нам тесен будет,
Эту старость мы не ждали.

Къу!нийды арыди викий,
Къа!сваллис джус гъа!йиб йикий,
Хъерешесды са яр рикий,
Гъеч е къа!се джудгъу!д хъур ай!

Одиноким пусть не стану,
Пусть родная будет рядом,
Пусть она по мне заплачет,
Эту старость мы не ждали!

(Подстрочный перевод С. Махмудовой)

Поэзия Нурахмеда Рамазанова отличается юмористическим отношением к жизни, к своим проблемам и проблемам всех вокруг, он воспринимает жизнь весело, находя удовольствие во всем, что происходит вокруг него. Так же воспринимается им и старость: И рынка нет продать ее кому-нибудь другому, старость.

Старость

Друзья, была и не нужна
Мне изначально эта старость.
Откуда же взялась она?
Мое мученье, эта старость.

Лишает свежести юнца
И ослабляет удалца.
Гость нежеланный у крыльца -
Ко мне домой ввалилась, старость.

Ходить мне трудно стало с ней,
Вручила палку в руки мне.
Свинцовым грузом на спине
Уселась нагло, эта старость.

Нет. Старость, это не мое.
Уж очень зол я на нее.
И рынка нет, продать ее
Кому-нибудь другому, старость.

Да, Нурахмеду не везет.
Покоя больше не найдет.
Меня в могилу уведет
Беда большая, эта старость.

(Перевел с рутульского Ф. Дашлай)

Кюр-Раджаб – это классик рутульской, лезгинской и азербайджанской поэзии, входящий в число лучших десяти ашугов Азербайджана, творивший на рутульском, лезгинском, тюрки. Стихотворения его отличаются поэтической виртуозностью и жанровым богатством. Вся любовная лирика Кюр-Раджаба посвящена его любимой Гури, с которой они так и не смогли быть счастливы вместе. Уже умирая, на смертном одре, Кюр-Раджаб поёт о Гури, зовя ее проводить его в последний путь. Последние трагические песни Раджаба о Гури были спеты им уже в полубреду:

Яр йиркыриме?

Лы1хды къашбыр, даныы гынду2 ук1 гъады,
Къамч1елийбыр зас г1ар вишиды идды,
Джуды хылире зас хъывыс ук1 хъидды,
Шалбузад сыв лээвир, яр йиркыриме?

Гъу1дигенед бейде йиркьыр, изды яр,
Хылабыр мыхрыма ихьис, изды яр,
Зы йикьимаа бейде суркьус, изды яр,
Джаназады решес яр йиркьыриме?

Хесте Раджаба куьч гъаьаси гъамыь,
Джасадды джыбрад хьедбыр саьаси гъамыь,
Къван кидишды ухун лывъаси гъамыь,
Кафан гъат1усды яр йиркьыриме?

Пришла ли?

Моя чернобровая, с индийскою родинкой,
Чьи косы, как змеи, меня задушили,
Последнюю чашу воды не подносит ли,
Шалбурз перейдя, не пришла ли любимая?

Подойдя к моему изголовью, любимая,
Руки возложит на грудь мне любимая,
Последний мой вздох ты не примешь, любимая,
Поплакать над мертвым пришла ли Гури моя?

Твой мир покидает влюбленный Раджаб теперь,
Чужие омоют безжизненный труп теперь,
В рубашку без пуговиц оденут меня теперь –
Хоть саван набросить пришла ли любимая?
(Перевод на русский язык С. Махмудовой)

Скорее всего, Гури не пришла. Раджаб сам посылает ей весть о своей смерти:

Зы йишир

Гъа1срат эбир кал сувгъуре улабаа,
Къурукъ йишир, хьыблиде хад зы йишир,
Тамарзы и, хылаб лийкьайш хылабаа,
Арзуманбыр джанде адгьд зы йишир.

Са яр риьи фикирди, хийьлди ад,
Гулябатын-ялыхъ къулуу лывъад гвад,
Гъу1мир Гъу1ри гуьзет раьар либхьур ад,
Байкъуш кал, ригиде лузуд зы йишир.

Захьван ихтилатбыр гыьыр, йа1хъ гыьыйш,
Улабад нагъв темиз выьыр, йа1кв гыьыйш,
Шыв гъаьасди: къадри вац1ыр, рак аьыйш,
Выды дердбыр ла1шур, бырка1 зы йишир.

Риинбыр на на1гънибыр рухьура за,

Дживан гьу1мир ливири ярад яса,
Раджаб йикьбир, хул ваъабишды сесаа
Гьу1ри, рыкьа, захда решес... Зы йикьбир.
Я был

Страсть, как кровь, сочится у меня из глаз –
Как с листочком ветер, жизнь играетя,
Я в любви твоей давно уже увяз,
Ты ж страданья доставлять стараешься.

В думах о любимой изнываю я,
Все изысканней ты одеваешься,
Всю жизнь Гури увидеть пытаюсь я,
Будто вор, у двери встать стараюсь я.

Все сказал – улыбки не увидел я,
Слезы вытер – солнца не обидел я,
От любви жизнь наша не зависела,
Я ослеп, себя найти стараюсь я.

Песни словно плачи по тебе пою,
Только страстью по тебе ещё живу,
С тем, кто плачет обо мне, когда умру,
Приходи поплакать, Гури,... умираю я.
(Перевод на русский язык С. Махмудовой)

Кюр-Раджаб до последнего своего вздоха ждет Гури, не думая о смерти, хотя являлся глубоко верующим человеком, написавшим цикл духовных стихотворений:

Аман

Йыгъ-йыгъаала дердимыра йик1 ац1ас,
Гьу1мир шууна лаавалт1урди, гут1ур а,
Фана-дуйнйаадид къаст-къерез шыв гьац1ас,
Йыхвал1ихьван бааджагъат гахъаабгъура.

Рыгар ришид йиркьыр изды хияла,
Рапад валыг лыгьыр, гаркьыр хылаала,
Валгьда тамам вишир, увц1ур пийала,
Къуру йишир япрахбыр1 багъад изды.

Азраил лувзур а къастыде – зы гыргас,
Са аман хъывылц1ад – яр-дуст, шу гьагвас,
Белки руръуд Раджабыс угъур ваъас,
Гьу1ри-къылман2 дур гъад гьа быт1рад изды.

Азраил, гыргас зы йиганахъун,
Ти дуйнйаады гьамыг ер зас анахъун,
Фана-дуйнйаа за сабтыр йиганахъун,

Гьу1ри-кьылман хьарака, аман изды!

Зы йикьийне

Гьай быт1рады, выды кьашбыр лаь джугьу1д,
Илсанаше хабар выр, зы йикьийне,
Маддыбишис кьайгьу джувгьу1д, кьам джугьу1д,
Вакляя риьи марад янан, зы йикьийне.

Амьйхь, яраб, ми дуьнйаадытухдыбыр,
Ярад белаа игьивед не йыхдыбыр,
Нин-ришире лаьас кьулу лы1хдыбыр,
Ваьас виьи йикь-шиван, зы йикьийне.

Эджелдид джам увц1ур, йьгь мадиш быгаад,
Ранг кьыба1 хьишир а гьу1мирдид хукад,
Ун йишийне: Раджаб мардиш, гьахьджагвад,
Хабар ибхьус Дагьыстанди, зы йикьийне.

Когда я умру

Красивая,, дрогнут ли брови любимой,
Когда скажут тебе, что я умер?
Не будет печали в стенаньях незримых,
Плачь обо мне, когда скажут – я умер.

Страдавших всю жизнь, как я, не бывает,
Чужую судьбу никто не облегчает,
Любимая, жизнь меня покидает,
Одень по мне траур, что я уже умер.

Сегодняшний день мою жизнь завершает,
С осеннего дерева листва опадает,
Что больше Раджаб тебя не ожидает,
По плачу поймешь в Дагестане, я умер.
(Перевод на русский язык С. Махмудовой)

Малла Тураб

Малла Тураб – ашуг XIX века, достигший таких высот в духовном развитии, что его признавали святым, был в молодости влюблен, но когда он уехал заработать на свою свадьбу, его любимая умерла. И возвращающийся домой Малла Тураб, мечтавший о счастье, попал внезапно уже на ее похороны. Известно, что юноша попросил людей позволить ему вырыть ей могилу и вырыл ее голыми руками, окропив всю могилу своей кровью.

Малла Тураб не смирился со смертью девушки и просит ангелов смерти рассказать ему, что она сказала в свой судный момент, вспоминала ли она его, просит этих ангелов передать им, что он спрашивает о ней. Следует сказать, что такого страдания, когда влюбленный юноша обращается к ангелам смерти за вестью о любимой, не описано другими авторами:

Та юная, ставшая милою мне,
Ответьте, Мункар и Накир*, что она вам сказала?
Ведь вы же свой суд совершили над ней,
О, сжальтесь, Мункар и Накир, что она вам сказала?

Она молодою из жизни ушла.
Обман, скажут все. Не поверят ушам.
Сказали бы ей, как страдает Малла!
Ответьте, Мункар и Накир, что она вам сказала?

Сквозь пламя любви, обжигаясь, прошел.
Углем сердце стало. С ума я сошел.
Тураб мое имя - сказать ей пришел.
Ответьте, Мункар и Накир, что она вам сказала?

(Перевел с рутульского Ф. Дашлай)

Мунка́р и Наки́р— в исламской эсхатологии ангелы, которые допрашивают и выносят приговор мёртвым.

Джамесеб Саларов

Джамесеб Саларов – классик рутульской поэзии, сам кладет себе на могилу три цветка и просит любимую вспомнить о нем, когда увидит эти цветы:

Три цветка.

Как-то заметил, цвели на майдане
Красный цветок, желтый цветок и мак полевой.
Чтобы сорвал я их, будто бы ждали
Красный цветок, цветок желтый и мак полевой.

Белый и пестрый меж ними встречались,
Все они будто б о чем-то общались.
Ярче средь всех три цветка выделялись -
Красный цветок, желтый цветок и мак полевой.

Красный цветок красотой отличался,
Желтый цветок нежно мне улыбался,
Кончик у мака темнее был малость.
Красный цветок, желтый цветок и мак полевой.

Все три цветка я, наверно, сорвал бы,
Чтобы как память со мною остались,
Знаком любви своей милой отдал бы
Красный цветок, желтый цветок и мак полевой.

Дождь, с неба лейся, печали смывая,
Пусть Джамесеба Она вспоминает,
Как на могиле его расцветают
Красный цветок, желтый цветок и мак полевой.

(Перевел с рутульского Ф. Дашлай)

Таким образом, печать по закату жизни и уходу из нее для рутульских ашугов светла, они относятся к смерти без боли, страха, без слез. Они шутят со смертью и старостью (Нурахмед Рамазанов), выставляют им свои условия, чтобы над ними обязательно плакала любимая, (Шафи Ибрагимов), Кюр-Раджаб совершенно не думает об этом печальном закате жизни и даже в последнем бреде просит, чтобы саван сшила для него любимая и даже сам посылает весть о своей собственной смерти. Малла Тураб протягивает мост от себя до любимой, которая находится на том свете, умоляя ангелов смерти быть посредниками. Юсиф – эстет и гуманист, что он подтверждает всей своей поэзией, просит у жизни только одно – уверенности, что жизнь на земле будет продолжаться и после его ухода из жизни.

Литература

1. *Ибрагимова Ф. М. Народная лирика рутулов, агулов, цахуров: исследования и тексты. Махачкала, 2008.*
2. *Дергачева И.В. Типология Синодиков в русской письменности XV-XVII веков//Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Москва, 1990. Стр. 246-270.*
3. *Дергачева И.В. Литературная история Синодика на русской почве в XV-XVII в.в.//Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1991. Научный совет по истории мировой культуры РАН. Москва, 1997. Стр. 7-16.*
4. *Махмудова С.М. Грамматические классы и грамматические категории рутульского языка. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д.филол. н. М., 2002.*
5. *Махмудова С. М. Рутульская литература. Махачкала, “Народы Дагестана”. 2008.*
6. *Махмудова С. М. Кюр-Раджаб – классик рутульской, лезгинской и азербайджанской поэзии. Махачкала, 2014.*
7. *Махмудова С.М., Хангереев М.-Б.Д.-Г., Алиева З.М., Базиева З.М., Гаджиахмедов Т.И., Гасанова М.А., Гасанова У.У., Гусейнов Г.М., Джалилова А.Б., Исрапилов П., Керимова К.Р., Кусегенова Ф.А., Магдилова Р.А., Мудунова Г.А., Сиражудинов Р.М., Солтаханов И.Э., Сулейманова Г.П., Султанмурадова Н.Э. Краткий разговорник на языках народов Дагестана. Махачкала, 2015.*
8. *Махмудова С.М. Фразеологический словарь рутульского языка. Махачкала, 2016).*

Eschatological motifs in Rutul poetry

Suleymanova T.A.,

PhD in Philology, Associate Professor of Dagestan state technical University, Russia

In Rutul's poetry, the famous story of which begins from XI-XII with the name of Zeinab Hinavi, the ashugs in the pre-revolutionary period and the poets of the post-revolutionary period developed several main themes - love lyrics, philosophical lyrics, spiritual lyrics. One of the main ones is philosophical lyrics, in which eschatological motifs occupy a special place.

Keywords: Rutul literature, eschatology, poems of Rutul poets devoted to the theme of old age and death.

References

1. Ibragimova F. M. Narodnaya lirika rutulov, agulov, cahurov: issledovaniya i teksty. Makhachkala, 2008.
2. Dergacheva I.V. Tipologiya Sinodikov v russkoj pis'mennosti XV-XVII vekov//Metodicheskie rekomendacii po opisaniyu slavyano-russkih rukopisnyh knig. Moskva, 1990. Str. 246-270.
3. Dergacheva I.V. Literaturnaya istoriya Sinodika na russkoj pochve v XV-XVII v.v.//Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologiya. Ezhegodnik 1991. Nauchnyj sovet po istorii mirovoj kul'tury RAN. Moskva, 1997. Str. 7-16.
4. Makhmudova S.M. Grammaticheskie klassy i grammaticheskie kategorii rutul'skogo yazyka. Avtoref. diss. na soisk. uch. st. d.filol. n. M., 2002.
5. Makhmudova S. M. Rutul'skaya literatura. Makhachkala, "Narody Dagestana". 2008.
6. Makhmudova S. M. Kyur-Radzhab – klassik rutul'skoj, lezginskoj i azerbajdzhanskoj poehzii. Makhachkala, 2014.
7. Makhmudova S.M., Hangereev M.-B.D.-G., Alieva Z.M., Bazieva Z.M., Gadzhiahmedov T.I., Gasanova M.A., Gasanova U.U., Gusejnov G.M., Dzhililova A.B., Israpilov P., Kerimova K.R., Kusegenova F.A., Magdilova R.A., Mudunova G.A., Sirazhudinov R.M., Soltahanov I.E.H., Sulejmanova G.P., Sultanmuradova N.E.H. Kratkij razgovornik na yazykah narodov Dagestana. Makhachkala, 2015.
8. Makhmudova S.M. Frazzeologicheskij slovar' rutul'skogo yazyka. Makhachkala, 2016.

Психологические барьеры в процессе работы с иностранцами и механизмы их преодоления

Корнев В.А.,

*Кандидат филологических наук, доцент,
Старший преподаватель кафедры русского языка,
ВГМУ, Воронеж*

Дедова О.М.,

*Кандидат филологических наук, доцент,
Заведующий кафедрой русского языка,
ВГМУ, Воронеж*

Статья посвящена проблеме преодоления предрассудков и стереотипов в процессе общения представителей разных культур в ходе получения ими высшего профессионального образования в высших учебных заведениях Российской Федерации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, предрассудок, стереотип, общение, обучение.

Для цитаты:

Корнев В.А., Дедова О.М. Психологические барьеры в процессе работы с иностранцами и механизмы их преодоления [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Kornev_Dedova.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Kornev B.A., Dedova O.M. Psychological barriers in the process of working with foreign students and mechanisms for overcoming them. [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2018, vol. 5, no. 3. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Kornev_Dedova.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Представления о типичных чертах других народов зависят от характерных черт их поведения и от разнообразных форм контактов с ними. При этом на результаты контактов влияют не только стереотипы восприятия других народов и их культуры, но и собственные предрассудки «принимающей стороны».

Предрассудок – это психологическая установка на предвзятое и враждебное отношение к чему-либо без достаточных оснований или причин. Применительно к этническим группам или их культурам предрассудок выступает в виде предвзятого или враждебного отношения к представителям этих групп, их культурам, поведению, к социальному и особенно материальному положению.

Главной причиной возникновения предрассудков является неравенство в социальных, экономических и культурных условиях жизни различных этнических общностей. Этот же фактор определяет и такую распространенную форму предрассудка, как ксенофобия – неприязнь к иностранцам.

Предрассудки возникают как результат неполного или искаженного понимания поведения человека, причин поступка или высказывания. Возникая на основе ассоциации, воображения или

предположения, установка по отношению к объекту имеет стойкий искаженный негативный информационный компонент.

Следует различать стереотип и предрассудок в процессе межкультурной коммуникации.

Стереотип – это привычное, традиционное выражение черт внешности, характера, особенностей поведения, образа жизни, правил и ценностей, которые свойственны всем членам одной социокультурной группы. Это своего рода обобщенный, собирательный образ представителей отдельной национальности, в котором, как правило, отсутствуют ярко выраженные эмоциональные оценки. Поэтому стереотипы содержат возможность и позитивных, и негативных, и нейтральных суждений о стереотипной группе [1].

Предрассудок представляет собой только отрицательную и враждебную оценку группы или принадлежащего к ней индивида на основании приписывания им негативных качеств. Для предрассудков характерно бездумное негативное отношение ко всем членам группы или большей ее части. В практике человеческого общения объектом и жертвой предрассудков обычно бывают люди, резко отличающиеся от большинства какими-либо чертами, отрицательно оцениваемыми другими людьми. Наиболее известными формами предрассудков являются расизм, сексизм, гомофобия, дискриминация по возрастному признаку и т.д. [3, с. 26-27].

Предрассудки, как и стереотипы, возникают в результате воспитания культурных представлений, поскольку порождены общественными, а не биологическими причинами. Однако они представляют собой устойчивые и широко распространенные элементы обыденной, повседневной культуры, которые передаются их носителями из поколения в поколение и сохраняются при помощи обычаев или норм.

Существует особый механизм, при помощи которого возможно направить эмоциональную реакцию на человека, ничем не связанного с возникновением этой реакции. Данный механизм чаще всего используется для провоцирования проявлений этноцентризма, запуска механизма действий предрассудков и называется психологическим процессом перемещения.

Суть этого процесса сводится к переносу выражения негативных эмоций в такую ситуацию, где это можно осуществить либо безопасно, либо с большой выгодой. Психологическое перемещение используется людьми или бессознательно – в качестве защитного механизма психики, или преднамеренно – в поисках «козла отпущения», на котором вымещают досаду или сваливают вину по поводу какой-либо проблемы, неудачи или ошибки. При этом психологическое перемещение характерно как для индивидуальной деятельности, так и для коллективных психических процессов, а также может охватывать значительные массы людей. Использование механизма перемещения позволяет заинтересованным лицам направить гнев, враждебность и агрессию на людей или на какой-либо объект, не имеющий отношения к причинам этих эмоций [2].

Развиваясь на почве неполного или искаженного знания, предрассудки могут возникать по отношению к самым различным аспектам действительности: к людям и их поведению, к привычкам и представлениям, к религии и образу жизни и т.д. Самым распространенным видом предрассудков являются этнические различия. Одна из причин возникновения таких предрассудков – попытка представителей доминирующей этнической группы найти источник психического удовлетворения от чувства мнимого превосходства, власти, первенства или положения хозяина ситуации. Отсутствие действительного превосходства или престижа при низком социальном или материальном положении среди «принимающей» этнической группы компенсируется иллюзорным престижем от сознания принадлежности к «высшей расе».

Формирование и стойкость предрассудков объясняется потребностью людей определить свое положение по отношению к другим, основываясь на превосходстве своей этнической группы или своей личности над другими. В процессе такого самоутверждения унижаются достижения другой группы людей, и подчеркивается неприязненное отношение к ней. Каждым отдельным человеком предрассудки усваиваются в процессе социализации и кристаллизуются под влиянием культурно-групповых норм и ценностей. Их источником служит ближнее окружение человека, в первую очередь

родители, учителя, приятели. Таким образом, индивидуальные предрассудки в большинстве случаев возникают не из личного опыта межкультурного общения, а в результате усвоения ранее сложившихся предрассудков.

Наличие того или иного предрассудка, во-первых, серьезно искажает для его носителя процесс восприятия людей из других этнических или социокультурных групп. Он видит в них то, что хочет видеть, а не то, что есть на самом деле, поэтому положительные качества объекта предрассудка не учитываются при общении и взаимодействии. Во-вторых, в среде людей, зараженных предрассудками, возникает неосознанное чувство тревоги и страха перед теми, кто для них является объектом дискриминации. Носители предрассудков видят в них потенциальную угрозу, что порождает еще больше недоверия. В-третьих, существование предрассудков и основанных на них традиций и практики дискриминации и нарушения гражданских прав искажает самооценку объектов этих предрассудков. Значительному числу людей навязывается чувство социальной неполноценности, в результате чего возникает желание утверждения личностной полноценности при помощи межэтнических и межкультурных конфликтов.

В психологии принято выделять шесть основных типов предрассудков:

яркие необоснованные предрассудки, в содержании которых декларируется утверждение, что члены чужой группы по тем или иным признакам хуже представителей собственной группы;

символические предрассудки основываются на наличии негативных чувств по отношению к членам чужой группы, которые воспринимаются как угрожающие культурным ценностям собственной группы;

токенистский тип предрассудков (от амер. tokenism – символическое мероприятие, реформа или перестройка, проводимая только для видимости) выражается в предоставлении социальных преимуществ этническим или социокультурным группам в обществе, чтобы создать видимость справедливости. Предрассудки этого типа предполагают наличие негативных чувств по отношению к чужой группе, однако члены собственной группы не хотят признаться себе в том, что у них есть предрассудки в отношении других [5, с. 368–369];

предрассудки типа «длинной руки» подразумевают позитивное поведение по отношению к членам чужой группы только в определенных обстоятельствах (например, случайное знакомство, формальные встречи). В ситуации более близкого контакта (например, соседство) демонстрируется недружелюбное поведение;

фактические антипатии предполагают наличие открытого негативного отношения к членам чужой группы в случае, если их поведение действительно не устраивает членов собственной группы;

предрассудки типа «знакомое и незнакомое» подразумевают отказ от контактов с членами чужой группы, поскольку представители данной группы всегда испытывают неудобства при общении с чужаками и предпочитают взаимодействовать с людьми собственной группы. Такое взаимодействие не вызывает нервных и эмоциональных переживаний.

Предрассудки поддаются изменению и преодолению с трудом, и если они однажды были усвоены, то от них очень трудно отказаться, причем особой «живучестью» отличаются этнические предрассудки. Так, человек довольно просто может отказаться от предрассудка относительно автомобилей той или иной марки, но гораздо сложнее отказаться от негативного мнения о какой-либо этнической группе.

Условием для изменения предрассудков служит одинаковый статус индивидов.

Например, если глава русской семьи, имеющий предрассудки, скажем, относительно цыган, узнает, что в следующем году класс, где учатся его дети, будет посещать цыганский ребенок, то это приведет к диссонансу на психологическом уровне. Для того чтобы снизить этот диссонанс, он будет:

а) пытаться пересмотреть свое отношение к цыганам;

б) пытаться «смягчить» негативизм тем, что речь идет о цыганском ребенке, а не о взрослом человеке;

в) стараться избежать «нежелательного» контакта, переведя своего ребенка в другой класс;

г) стараться избежать «нежелательного» контакта, не допустив перевода цыганского ребенка в свой класс;

Варианты а и б будут соответствовать нормам толерантного поведения, а вариант в – демонстрировать превосходство предрассудка над здравым смыслом, вариант г – говорить о националистической направленности действий этого родителя.

Наивно полагать, что изменение стереотипов и предрассудков – несложное дело, быстро осуществимое при помощи социальных технологий или других методик. Изменению предрассудков могут способствовать средства массовой информации, однако для этого нужны годы. К тому же предрассудок нельзя «совсем» вычеркнуть из сознания людей, его можно лишь сделать более обоснованным, доступным для понимания, модифицировать и описать.

Фактически люди склонны помнить ту информацию, которая поддерживает предрассудок, и игнорировать информацию, которая им противоречит, и если предрассудки были когда-либо усвоены человеком, то они проявляются в течение длительного времени.

Зависимость между культурной принадлежностью того или иного человека и приписываемыми ему чертами характера обычно не является адекватной. Люди, принадлежащие различным культурам, обладают разным пониманием мира, что делает коммуникацию с «единой» позиции невозможной. Руководствуясь нормами и ценностями своей культуры, человек сам определяет, какие факты и в каком свете оценивать, это существенно влияет на характер нашей коммуникации с представителями других культур.

Например, при общении с оживленно жестикулирующими во время разговора итальянцами у немцев, привыкших к другому стилю общения, может сложиться стереотип о «взбалмошности» и «неорганизованности» итальянцев. В свою очередь у итальянцев может сложиться стереотип о немцах как о «холодных» и «сдержанных» и т.д. [4].

В зависимости от способов и форм использования стереотипы могут быть полезны или вредны для коммуникации. Стереотипизация помогает людям понимать ситуацию и действовать в соответствии с новыми обстоятельствами в следующих случаях:

если стереотипа сознательно придерживаются. Индивид должен понимать, что стереотип отражает групповые нормы и ценности, групповые черты и признаки, а не специфические качества, свойственные отдельному человеку из данной группы;

если стереотип является описательным, а не оценочным. Это предполагает отражение в стереотипах реальных и объективных качеств и свойств людей данной группы, но не их оценку как хороших или плохих;

если стереотип точен. Это означает, что стереотип должен адекватно выражать признаки и черты группы, к которой принадлежит человек;

если стереотип является лишь догадкой, предположением о группе, но не прямой информацией о ней. Это означает, что первое впечатление о группе не всегда дает достоверное знание обо всех индивидах данной группы;

если стереотип модифицирован, т.е. основан на дальнейших наблюдениях и опыте общения с реальными людьми или исходит из опыта реальной ситуации.

В ситуации межкультурных контактов стереотипы бывают эффективны только тогда, когда они используются как первая и положительная догадка о человеке или ситуации, а не рассматриваются как единственно верная информация о них.

Стереотипы становятся неэффективными и затрудняют общение, когда, ориентируясь на них, ошибочно относят людей не к тем группам, некорректно описывают групповые нормы, когда смешивают стереотипы с описанием определенного индивида и когда не удается модифицировать стереотипы, основанные на реальных наблюдениях и опыте. В таких случаях они могут стать серьезной помехой при межкультурных контактах.

В целом выделяют следующие причины, из-за которых стереотипы могут препятствовать межкультурной коммуникации:

если за стереотипами не удаётся выявить индивидуальные особенности людей: стереотипизация предполагает, что все члены группы обладают одинаковыми чертами. Такой подход применяется ко всей группе и к отдельному индивиду на протяжении определенного промежутка времени, несмотря на индивидуальные вариации;

если стереотипы повторяют и усиливают определенные ошибочные убеждения и верования до тех пор, пока люди не начинают их принимать за истинные;

если стереотипы основываются на полуправде и искажениях. Сохраняя в себе реальные характеристики стереотипизируемой группы, стереотипы при этом искажают действительность и дают неточные представления о людях, с которыми осуществляются межкультурные контакты.

Люди сохраняют свои стереотипы, даже если действительность и жизненный опыт им противоречат. Поэтому в ситуации межкультурных контактов важно уметь правильно обходиться со стереотипами, т.е. осознавать и использовать их, а также уметь от них отказываться при несоответствии между ними и реальной действительностью.

Литература

1. Антонов В.И., Ямпилова З.С. Проблемы стереотипов как один из барьеров в контексте коммуникации культур // *Россия и Запад: диалог культур* // Вып. 7. – М., 1999.
2. Баронин А.С. *Этнопсихология*. – К.: МАУП, 2000.
3. Дедова О.М., Клушин Л.Г. *Основы межкультурной коммуникации: учебное пособие*. – Воронеж: «Издательство ВГМА им. Н.Н. Бурденко», 2011.
4. Муравлева Н.В. *Понимание и интерпретация фактов чужой культуры. Россия и Запад: диалог культур* // Вып. 7 – М., 1999.
5. Hogg, Michael A.; Vaughan, Graham M. *Social Psychology*. Harlow: Prentice Hall, 2008.

Psychological barriers in the process of working with foreign students and mechanisms for overcoming them

Kornev B.A.,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Senior Lecturer of the Russian Language Department,
VSMU, Voronezh*

Dedova O.M.,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Head of the Russian Language Department,
VSMU, Voronezh*

The article is devoted to the problem of overcoming prejudices and stereotypes in the process of communication between representatives of different cultures during receipt by them of higher education in higher educational institutions of the Russian Federation.

Keywords: intercultural communication, prejudice, stereotype, education, training.

References

1. Antonov V.I., Yampilova Z.S. Problemy stereotipov kak odin iz bar'erov v kontekste kommunikacii kul'tur // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur // Vyp. 7. – M., 1999.
2. Baronin A.S. Ehtnopsihologiya. – K.: MAUP, 2000.
3. Dedova O.M., Klushin L.G. Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii: uchebnoe posobie. – Voronezh: «Izdatel'stvo VGMA im. N.N. Burdenko», 2011.
4. Muravleva N.V. Ponimanie i interpretaciya faktov chuzhoj kul'tury. Rossiya i Zapad: dialog kul'tur // Vyp.7 – M., 1999.
5. Hogg, Michael A.; Vaughan, Graham M. Social Psychology. Harlow: Prentice Hall, 2008.

Проблемы в обучении русскоговорящих студентов нормативному произношению испанского языка

Мурашкина О.В.,

Доцент кафедры языковой подготовки кадров ИГСУ РАНХиГС, кандидат филологических наук

В статье рассматривается проблема формирования фонологического слуха в процессе обучения испанскому языку как иностранному. Различие фонетических систем и фонологических структур родного и изучаемого иностранного языков является основной причиной лингвистических интерференций, поэтому важно определить аллофоническую картину при обучении фонетике испанского языка.

Ключевые слова: фонетика; фонология; аллофон; estándar; нормативность; диалектная вариативность; произношение; артикуляционные навыки.

Для цитаты:

Мурашкина О.В. Проблемы в обучении русскоговорящих студентов нормативному произношению испанского языка [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Murashkina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Murashkina O.V. Problems in teaching standard Spanish pronunciation to Russian-speaking students [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Murashkina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

В работах, посвящённых лингвистическим исследованиям вариантов испанского языка в испаноговорящих странах, всё чаще появляются сообщения о том, что фонологическая вариативность в отдельных случаях признаётся произносительной нормой. Так, формы *olimpiada* и *olimpíada* в равной мере признаются нормативными. При кодификации нормы *español estándar*, необходимо учитывать проблемы, вытекающие из многообразной диалектной вариативности испанского языка. Лингвистическая норма, без сомнения, связана с понятием престижа, литературности и является неоспоримым условием сохранения языка как языковой системы. Бесспорно, что в преподавании испанского языка должна использоваться норма *español estándar*, которая является единой для всех испаноговорящих стран и гарантирует “полную доступность для любого слушателя в любой ситуации общения” (“una total disponibilidad para cualquier oyente en cualquier situación comunicativa”) [2, с. 11]. Установление подобной нормы в случае с испанским языком является делом сложным. PAE утверждает, что “el español, por su carácter de lengua supranacional, constituye en realidad un conjunto de normas diversas que, no obstante, comparten una amplia base común” (“испанский язык, имеющий характер супранационального языка, представляет собой набор различных норм, единых в своей основе”). Тем не менее, учитывая огромную территориальную протяжённость и большое число людей, говорящих на испанском языке, вопрос необходимости установить и признавать единую норму *estándar* очень актуален. Относительно произношения это сделать крайне сложно из-за бесчисленного множества “acentos” испанского языка. При установлении нормы *estándar* применительно к фонетике главной проблемой являются случаи лингвистической интерференции, а также исторический, социокультурный и географический факторы. Так, например, фонетические рекомендации обязательно нуждаются в комментариях: носит ли данное использование общий характер или является типичным для конкретной географической

зоны. Необходимо формулировать специфику устной речи без учёта письменных норм, которые отличаются стабильностью.

Анализируя критерии определения нормы *español estándar* в практике устной речи, необходимо выделить следующие области: преподавание устной речи и теоретическая фонетика и фонология. Преподавание нормативного произношения строится с учётом элементов сегментных – произнесение звуков, и супrasegmentных – ударение, интонация, мелодика и ритм речи. Вместе с тем, существуют и другие элементы устной речи, которые необходимо учитывать в преподавании нормативного произношения, такие, как коммуникативная ситуация, адекватность выбора лексических средств и речевая стилистика. От преподавателя требуется отличное знание фонетической системы и фонологического описания преподаваемого языка, а именно его литературной нормы. Понятия фонетика и произношение не могут быть идентичны, поскольку фонетика – это металингвистическое отражение функционирования звучащей речи. Таким образом, обучение произношению и фонетическая коррекция – это два вида деятельности в преподавании устной речи.

В преподавании испанского языка как иностранного необходимо знать функционирование лингвистической системы на культурном и социальном уровнях, а также вариативность сегментных и супrasegmentных элементов, присущих каждому уровню. В повседневной практике преподаватель испанского языка как иностранного должен иметь в виду отношения между фонетической системой преподаваемого и родного языка обучающегося. Вследствие расхождения фонологических структур иностранного и родного языков случаи интерференций при обучении произношению регистрируются довольно часто. Например, отсутствие некоторых звуков в испанской фонетике приводит к тому, что студенты часто употребляют русские звуки: так, вместо межзубного “с” произносится русский «ц», (*centro*), отсутствие звука «ж», «ш», «з» в испанском языке также приводит в фонетическим интерференциям. Разность вокалических систем испанского и русского языков также является причиной фонетических интерференций.

На начальном этапе обучения необходимо объяснять различие звукового строя испанского и русского языков. При освоении согласных, имеющих аналоги в родном языке и сходных по своей артикуляции, студенты не испытывают трудностей. К ним относятся: билабиальные смычные /p/ и /b/ в начальной позиции, назальный /m/ и лингвевелярный смычный /m/. Наибольшую трудность для произношения представляют следующие испанские консонанты: лингвопалатальный латеральный звонкий /ʎ/ и лингвевелярный /x/. Особого внимания заслуживают фрикативные аллофоны [β], [ð] у [γ] фонем /b/, /d/, /g/, которые не имеют соответствий в русском консонантизме, и их произношение представляет определённую трудность. Ещё одна проблема возникает в случае приобретения навыков правильного произношения аллофонов /ʎ/ и /ʎ/, которые относятся к диалектным вариантам иберийского произношения. В процессе обучения фонетическим нормам испанского языка возникает очевидная необходимость объяснять студентам диалектные нормы *seseo/seseo* и *lleísmo/yeísmo*, включённые РАЕ в кодифицированный реестр, с целью различения их от других диалектных вариантов, которые сами по себе являются вульгаризмами. Следует отметить, что при изучении фонетических норм студенты выбирают из всей аллофонической картины те варианты, которые представляют наименьшую трудность в произношении, даже если эти варианты расходятся с нормой *estándar*. Русскоговорящие студенты в большинстве случаев заменяют аллофон [θ] на [s], который представляет наименьшую трудность в произношении.

Приобретая артикуляционные навыки произношения консонантных аллофонов испанского языка, русскоговорящие студенты предпочитают те аллофоны, которые имеют соответствия в русском языке. Именно поэтому, обучая студентов правильному произношению, следует давать чёткую аллофоническую картину консонантной системы нормы *español estándar*. Нельзя игнорировать тот факт, что в современном преподавании испанского языка участвуют носители языка из стран Латинской Америки, которые в большинстве случаев не владеют нормативной фонетикой испанского языка и не уделяют должного внимания произношению, сосредоточиваясь главным образом на лексике и грамматике. Такая ситуация складывается на курсах

испанского языка и особенно на курсах интенсивного изучения испанского языка. Поэтому описание и установление нормативности на фонологическом уровне являются важными и актуальными. Все фонологические процессы испанского консонантизма можно разделить на две части: нормативные и диалектные.

Фонологические процессы нормативного испанского языка:

- Lleísmo/yeísmo: дефонологизация фонемы [ll] и замена её фонемой /ʎ/: pollo/poyo [poʎo - poʎo]; callado/cayado [káyado - káyado]; rollo/royo [roʎo - roʎo]; rallo/rayo [rayo - rayo]; rallado/rayado [ráyado - ráyado].

- Ceceo/seseo:

- В кастильском варианте испанского языка имеется две фонемы: /θ/ ("ce", "ci", "z") и /s/ ("s");

- сесео: носители сесео- это те, кто проживает в отдельных регионах Андалусии и используют фонему /θ/ в тех контекстах, где необходимо употреблять /s/;

- seseo: большая часть испаноговорящего мира не имеет фонемы /θ/ и во всех контекстах пользуются фонемой /s/.

Фонологические процессы диалектного испанского языка:

- веляризация фонемы /f/ /fwé-ron/ > [xwé-ron]);

- аспирация и опущение фонемы /s/ desde: /dés-de/ > [déh-De];

- веляризация фонемы /n/ в конце слова (pan:/pan/ > [pa], van y vienen: /ban-i-bje-nen/ > [ba -i-Bje-ne];

- йотирование: /a-sep-tár/ > [a-sej-tár]facturar: /fak-tu-rar/ > [faj-tu-rár];

- консонантная геминация: геминация /s/ в конце слова: /fjés-ta/ > [fjét-ta]desde: /dés-de/ > [déd-de]mismo: /mís-mo/ > [mím-mo].

Рассмотрим некоторые наиболее типичные ошибки в речи русскоговорящих студентов. Очень распространённая ошибка произносить [z] как русский [з], в контексте zapato, zumo, и т.д. Другой частой ошибкой является произнесение немого звука [h], с заменой его звуком [x]. Большую трудность представляет звук [o] в конце слова, который русскоговорящие студенты заменяют звуком [a] по аналогии с русским произношением.

Что касается уровней освоения испанского языка как иностранного преподавание произношения также должно происходить с учётом дифференциации уровней. Если ориентироваться на соответствие уровней Института Сервантеса, то следует иметь в виду, что преподавание фонетики имеет свои рамки на каждом уровне: на начальном уровне делается акцент на “Pronunciación de los sonidos”, (произношение звуков), а на более высоком уровне это уже “Realización fonética de los fonemas españoles” (фонетическая реализация фонем, другими словами, фонологический уровень), а высший уровень изучения испанского языка уже не содержит ни одного сегментного элемента. Содержание начального уровня базируется на производстве вокальных и консонантных звуков. Средний уровень (intermedio) предполагает идентификацию и производство звуковых вариантов, иными словами, овладение всем многообразием аллофонического содержания с учётом контекстуальных и позиционных вариантов. При этом интонация должна преподаваться с начального уровня, базовые знания интонационных особенностей испанского языка включают повествование, вопросительную интонацию и восклицание. Уровень начальный и средний предполагают также знакомство с просодикой и ритмикой испанской фразы. Различие методов обучения фонетическим навыкам очевидно, и сообразно каждому этапу обучения необходимо использовать соответствующие данному уровню методики.

Выводы:

Анализ методик преподавания фонетики при изучении испанского языка, согласно исследованиям Х. Листерри, сводится к формуле «послушай и повтори», иными словами, к аудированию и имитации. Распространение данного опыта не рационально. Подобная практика не является эффективной, так как в большинстве случаев студент не чувствует разницы между тем, что слышит и тем, что воспроизводит. Поэтому он выражает звуковую последовательность сообразно

фонетике родного языка, и здесь можно говорить о фонологической глухоте, которая мешает ему овладеть навыками правильного произношения в изучаемом иностранном языке. Таким образом, большое значение в исследованиях по теоретической и практической фонетике имеет разработка методов и дидактических материалов для наиболее эффективного преподавания и изучения фонетики иностранного языка.

Литература

1. Fernández Moreno, F.: "*¿Qué español hay que enseñar? Modelos lingüísticos en la enseñanza de español/LE*". *Cuadernos Cervantes de la Lengua Española* № 14, 1997. С. 7-15.
2. Hernández Alonso, C.: "*¿Qué norma enseñar?*" *Actas electrónicas del II Congreso Internacional de la Lengua Española, «El español en la Sociedad de la Información»*. Madrid, 2001.
3. Espasa Calpe, Real Academia Española: *Diccionario de la lengua española. Vigésima segunda edición*. Madrid, 2001.
4. Sánchez, A. *Una metodología de la lengua oral*. Madrid, Escuela Española, 1983.

Problems in teaching standard Spanish pronunciation to Russian-speaking students

Murashkina O.V.,

PhD (Philology), Assistant Professor at the department of foreign languages for civil servants at the Institute of Civil Service and Public Administration, RANEPА, Moscow, Russia

The article deals with the problem of the formation of phonological hearing in the process of teaching Spanish as a foreign language. The difference between phonetic systems and phonological structures of native and studied foreign languages is the main reason for linguistic interferences, that is why it is important to shape the allophonic picture when learning the phonetics of the Spanish language.

Keywords: phonetics; phonology; allophone; estándar; normativity; dialectal variation; pronunciation; articulatory skills.

References

1. Fernández Moreno, F.: "¿Qué español hay que enseñar? Modelos lingüísticos en la enseñanza de español/LE". Cuadernos Cervantes de la Lengua Española № 14, 1997. S. 7-15.
2. Hernández Alonso, C.: "¿Qué norma enseñar?" Actas electrónicas del II Congreso Internacional de la Lengua Española, «El español en la Sociedad de la Información». Madrid, 2001.
3. Espasa Calpe, Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Vigésima segunda edición. Madrid, 2001.
4. Sánchez, A. Una metodología de la lengua oral. Madrid, Escuela Española, 1983.

Сидорин В.В.

Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков

Язык и текст langpsy.ru

2018. Том 5. № 3. С. 67–74.

Sidorin V.V.

Cultural Person as a Result of the Education. From the History of the Domestic Philosophy of Education: V.V. Rozanov, S. I. Gessen, E. V. Il'nikov

Language and Text langpsy.ru

2018, vol. 5, no 3, pp. 67–74.

Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков

Сидорин В.В.,

Кандидат философских наук, научный сотрудник, ФГБУН Институт философии РАН, Москва, Россия, vlavitsidorin@gmail.com

Система образования является одним из фундаментальных социальных институтов, призванных обеспечивать не только трансляцию знаний, но также преемственность и стабильность в развитии общества. В России, после десятилетий реформирования, система образования до сих пор не смогла ни вполне адаптироваться к новым реалиям информационной цивилизации, ни обеспечить гармонизацию с ними традиционных ценностей российской культуры. В истории отечественной философской мысли можно проследить тенденции и мыслительные установки, которые могут быть противопоставлены вышеуказанным негативным трендам и которые проявились в творчестве столь разных мыслителей, как В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков, входящих в число тех немногих в истории русской философии, кто специально занимался разработкой философско-образовательной проблематики. В статье предполагается наметить контуры отечественной традиции философии образования, противостоящей инструменталистской и сугубо утилитаристской тенденциям современного образования. Будет показано, как, несмотря на различные философские предпосылки, указанные мыслители формулируют концептуально схожие целевые установки образования – идеи о «превращении природного человека в культурного» (В.В. Розанов), «превращение жизни в культурное существование» (С.И. Гессен), «формирование тотально развитой личности» (Э.В. Ильенков). Предполагается продемонстрировать, что философско-образовательные концепции русских мыслителей представляют не только историко-философский интерес, но и обладают потенциалом в качестве важного концептуального ресурса развития современного российского общества.

Ключевые слова: философия образования, история русской философии, В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков.

Для цитаты:

Сидорин В.В. Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Sidorin.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Sidorin V.V. Cultural Person as a Result of the Education. From the History of the Domestic Philosophy of Education: V.V. Rozanov, S. I. Gessen, E. V. Il'nikov [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Sidorin.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Система образования является одним из фундаментальных социальных институтов, призванных обеспечивать не только трансляцию знаний, но также преемственность и стабильность в развитии общества. Как в российском, так и в мировом масштабе сегодня констатируются многочисленные кризисные симптомы в связи с функционированием образовательной системы, связанные в первую очередь с тем, что образование, будучи одной из ключевых социальных практик, фактически утратило фундаментальные философско-методологические основы. Как констатировал © 2018 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет» © 2018 Moscow State University of Psychology & Education

Сидорин В.В.

Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 67–74.

Sidorin V.V.

Cultural Person as a Result of the Education. From the History of the Domestic Philosophy of Education: V.V. Rozanov, S. I. Gessen, E.V. Il'nikov
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 67–74.

Ф. Кумбс еще в 1970 году в работе «Кризис образования в современном мире» – работе, которую в научно-исследовательской литературе традиционно рассматривают, как первую ясную и системную диагностику кризисного состояния современного образования, – образовательные системы фактически не справились с вызовами, возникшими перед ними в процессе перехода общества на новый этап своего развития. И, если ряд проблем, диагностированных Ф. Кумбсом, – резкий рост спроса на образование, острая нехватка средств, рост стоимости образования – можно считать в определенном смысле техническими, а потому сравнительно легко решаемыми, то другие проблемы – несоответствие выпускаемых специалистов потребностям общества и не эффективность применяемых педагогических методов и подходов – отражают глубокую основу современного кризиса образования [6, с. 189-190].

В России, после десятилетий реформирования, система образования до сих пор не смогла ни вполне адаптироваться к новым реалиям информационной цивилизации, ни обеспечить гармонизацию с ними традиционных ценностей российской культуры. Аврамкова И. С., представляя обзор отмечаемых в научной литературе кризисных симптомов российского образования, указывает на неудовлетворительный уровень подготовки учеников, отсутствие четких и определенных целей воспитания и обучения, расплывчатость аксиологических ориентиров, нарушение баланса между гуманитарной и технократической составляющими образования и крен в сторону последней, неэффективность многих подходов и практик, и, наконец, ригидность системы управления образованием, связанную с жестким администрированием и централизацией [1, с. 144-145]. В контексте наличия многочисленных фундаментальных проблем и своеобразной дезориентации российского образования особый интерес представляют попытки осмысления проблем образования в отечественной философской традиции, представленные рядом тех сравнительно немногих мыслителей, которые особое внимание в своем творчестве уделяли проблемам педагогики и ее философским основаниям, – В.В. Розановым, С. И. Гессеном, Э.В. Ильенковым.

Любопытно, что ряд негативных тенденций современного российского образования – фрагментарность получаемых учениками знаний и, как следствие, своеобразную девальвацию знания, не эффективность школы, усиливающаяся бюрократизация образования, не только не готовую разрешать имеющиеся проблемы, но формирующую систему, в принципе не способную к гибкости и оперативным ответам на вызовы времени – были уловлены и стали предметом критики еще в «Сумерках просвещения» В.В. Розанова – первой в отечественной культуре работе, темой которой стали фактически проблемы философии образования.

Посвященные вопросам образования статьи В.В. Розанова, опубликованные в 1893-1898 годах в таких периодических изданиях, как «Русский вестник», «Русское обозрение», «Новое время», «Русское слово» и позже объединенные автором в сборник, получивший название наиболее объемной статьи – «Сумерки просвещения» (1899), появились в очень непростое для российского образования время. К тому моменту образование уже более четверти века являлось объектом беспрестанного реформирования, но тем не менее к концу столетия многочисленные кризисные симптомы были очевидны для всех: и для государства, и для педагогического сообщества, и для широкой общественности. На исходе столетия новый министр Н.А. Боголепов вынужден был признать кризисное состояние образования в циркуляре от 8 июля 1899 г.: министр указывал на неудовлетворительную подготовку выпускников средней школы, невнимание образовательной системы к индивидуальным особенностям учащихся, несогласованность и чрезмерную загруженность учебных программ, забюрократизированность школы [12, с. I-VIII]. Вопросы образования были одними из самых животрепещущих и обсуждаемых для российского общества: полемические материалы, авторы которых защищали или нападали на классическое образование, выступали «за» или «против» всеобщего обучения, обсуждали роль церковно-приходских школ, регулярно появлялись на страницах периодической печати самой разной направленности – от консервативных «Московских ведомостей» до либеральных «Русских ведомостей».

Сидорин В.В.

Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 67–74.

Sidorin V.V.

Cultural Person as a Result of the Education. From the History of the Domestic Philosophy of Education: V.V. Rozanov, S. I. Gessen, E.V. Il'nikov
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 67–74.

Вступив в дискуссию о проблемах, о которых знал не понаслышке – за плечами философа был более, чем десятилетний опыт учительствования в провинциальных прогимназиях и гимназиях, – Розанов формулирует специфику своего подхода к обсуждаемым проблемам: «для всех представляется, что секрет улучшения школы состоит в отыскании наилучшей трафаретки; никому не приходит на ум поднять вопрос о существовании самой трафаретки» [10, с. 158]. Подытоживая цикл своих статей во введении к отдельному их изданию в виде сборника, Розанов фактически впервые в российской культуре ставит вопрос о философских основах образования: при всём постоянном совершенствовании педагогической науки «мы не имеем и не имели того, что можно бы назвать философией воспитания и образования, т.е. обсуждения самого образования, самого воспитания в ряду остальных культурных факторов и также в отношении к вечным чертам человеческой природы и постоянным задачам истории.» [10, с. 1].

Задачей образования, с точки зрения В.В. Розанова, является не насыщение памяти учащихся разнородными, фрагментарными, элементарными сведениями из всех возможных областей знания, а приобщение их к человеческой культуре. Размышления о последней – не бесспорные, но безусловно любопытные – занимают немаловажное место в сборнике. Внутренний смысл культуры для философа скрыт в понятии культа, понимаемого как «внутреннее и особенное внимание к чему-нибудь – предпочтение некоторого всему остальному» [10, с. 25]. Культ возникает там, где у человека появляется сильнейшая эмоциональная привязанность к чему-либо – к явлению, предмету, ценности и т.д. Именно на основе того или иного культа вырастает величественное и сложное здание соответствующей культуры. Мыслитель настаивает, что единой культуры нет, и следует признать, что тысячелетия человеческой истории выработали три антагонистических по отношению друг к другу культа, три «исторических культуры» – эстетически ориентированный культ античности, христианский спиритуализм и окончательно сформировавшийся в Новое время культ точного научного знания. На страницах «Сумерек просвещения» Розанов не раз обнаруживает личную глубокую симпатию к религиозному культу, но тем не менее не единожды оговаривается – чего предпочла не заметить часть критиков, обвинивших мыслителя в апологетике исключительно религиозного воспитания [2, с. 11; 9, с.162], – что в каждом из них скрыта «неизъяснимая красота», перед которой невозможно не преклониться [10, с. 50-51]. И каждой из этих «исторических культур» должна быть предоставлена свобода самовыражения в соответствующем типе школы.

Результатом образования, таким образом, должна стать целостно – пусть на данном этапе и односторонне – развитая личность, последовательно и систематически воспитанная и образованная в той или иной системе культурных ценностей. Идеал Розанова – цельная личность, гармонически сочетающая в себе принципы и ценности всех культур – научной, античной, религиозной. Эта цель, однако, принципиально недостижима для школы: попытка привить юношеству любовь к научной истине, религии и красоте одновременно приводит, по его мнению, только к тому, что эти разнородные и зачастую противоречивые впечатления, принципы и ценности исключают друг друга в душе ребенка, оставляя ее таким образом не только ничем глубоко не затронутой, но отравленной скептицизмом и равнодушием ко всему.

Прививание культуры, укоренённость в ней, формирование глубокой эмоциональной и рациональной привязанности к выбранному ее аспекту является целью образования и по мнению другого представителя отечественной философии образования, бывшего младшим современником Розанова и представлявшего собой во многом (и по философским позициям, и по политическим убеждениям) полную ему противоположность – неокантианца С.И. Гессена. В 1917 году С.И. Гессен принял приглашение Томского государственного университета, в котором незадолго до этого был создан историко-филологический факультет, и получил в заведование кафедру педагогики. В течение четырех лет философ читал лекции и вел семинарские занятия по логике, истории философии, этике и педагогике. Как вспоминал позже сам С.И. Гессен, именно в эти годы окончательно сложилась его система педагогики, и вышедшая в 1923 году в эмиграции работа «Основы педагогики. Введение в

Сидорин В.В.

Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 67–74.

Sidorin V.V.

Cultural Person as a Result of the Education. From the History of the Domestic Philosophy of Education: V.V. Rozanov, S. I. Gessen, E.V. Il'nikov
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 67–74.

прикладную философию» была фактически создана в Томске, представляя собой дальнейшую детальную разработку прочитанных там лекций [3, с. 423].

Ставя своей целью не просто построение педагогики, но выяснение самого понятия и сущности образования, Гессен настаивает, что его истинной целью является формирование человека культурного, ибо именно культура есть то, что отличает современного человека от человека первобытного, для которого единственно возможной и насущной задачей было простое выживание. Понятия «образование» и «культура» для мыслителя практически идентичны: образованность есть форма существования культуры в конкретном индивиде. Представляя строение культуры – ее своеобразный «внешний каталог» – Гессен указывает, что она состоит из ценностей, отличительной характеристикой которых является то, что они, в отличие от всех ценностей иного рода, помимо прочего самоценны: «среди всех других целей именно культурные ценности выделяются тем, что служа орудиями другого, они кроме того ценны и сами по себе» [4, с. 32]. Этими культурными ценностями, определяющими как жизнь личности, так и существование человечества в целом, являются наука, нравственность, искусство, религия, право, государственность, хозяйство и техника, – и каждой из них соответствует свой вид образования. Постепенное приобщение к этим ценностям и составляет смысл образования: «Всесторонне развитый человек – это не тот, у кого развиты зрение, слух, осязание, обоняние, но прежде всего тот, кто приобщился ко всем ценностям культуры, т.е. владеет методом научного мышления, понимает искусство, чувствует право, обладает хозяйственным складом деятельности» [4, с. 114].

Любопытно, что своеобразная «культуроориентированность» философии образования С.И. Гессена приводит его, как и Розанова, к откровенным (пусть и более осторожным) антибюрократическим инвективам: если Розанов достаточно резко высказывался против поползновений бюрократии взять под контроль процесс образования, защищая и продвигая интересы образования семейного, церковного, частного, – любого образования, хотя бы сравнительно свободного от духа казенщины, то Гессен защищает творческий характер педагогического процесса в гораздо более осторожных выражениях, настаивая, что школе необходима определенная автономия, исключая мелочный надзор и постоянное вмешательство.

Как и Розанов, Гессен признает, что в реальности культура не представляет собой гармоничного единства: наоборот, не только различные исторические эпохи живут под знаком борьбы различных культурных ценностей между собой, но и различные виды образования зачастую конфликтуют друг с другом в педагогической практике. Однако как и Розанов, признававший возможность единения «исторических культур» в уникальном жизненном опыте выдающейся личности, так и Гессен в своеобразном неокантианском духе признает возможность разрешения этого конфликта свободным творческим действием, позволяющим личности проникнуть к скрытой сущности образования: «Образование существенно едино, но эта тождественная сущность образования непознаваема. Это и значит, что она есть только идея, т.е. предмет нашего творческого действия» [4, с. 330].

Примечательной страницей отечественной философии образования являются и философско-педагогические размышления Э.В. Ильенкова, попытавшегося с марксистских позиций по-своему обосновать идеал культууроориентированного образования, идеал всесторонне развитой, гармонической личности. Для Ильенкова на протяжении всего периода его творчества проблемы образования оставались одними из самых животрепещущих вопросов современности. Он посвятил им не только специальные работы – например, важнейшую статью «Школа должна учить мыслить», и по нынешнюю пору сохраняющую свою актуальность, – не только участвовал в знаменитом Загорском эксперименте по обучению слепоглухих детей – проблема формирования и развития человеческой личности, ее идеал оставалась для него одной из ключевых философских проблем, а осуществление этого идеала – необходимым, неизбежным и, пожалуй, главным этапом исторического процесса: «Ильенковское понимание становления индивида личностью

Сидорин В.В.

Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 67–74.

Sidorin V.V.

Cultural Person as a Result of the Education. From the History of the Domestic Philosophy of Education: V.V. Rozanov, S. I. Gessen, E.V. Il'enkov
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 67–74.

(педагогическая позиция) вырастает из логики человеческой истории, из логики исторического развития человека. Понять эту логику и означает определить внутреннюю форму становления индивида человеком, форму, на которой может и должна быть основана любая педагогическая практика» [8, с. 84].

Как для убежденного марксиста, человек для Ильенкова представляет собой совокупность общественных отношений, а искомый идеал личности оказывается связанным с политико-экономической проблематикой, исследованной К. Марксом. Ильенков указывает, что, проанализировав впервые в истории «анархию частнособственнической организации общественного производства», Маркс установил, что капиталистическому способу производства соответствует и определенный тип личности, ключевой характеристикой которой оказывается «профессиональный кретинизм»: личность превращается в маленький «винтик» громадной системы эксплуатации, которая заставляет его до изнеможения выполнять свою узкую функцию. Этот «профессиональный кретинизм», являясь одновременно и следствием, и условием капиталистического разделения труда и разделения собственности, превращается в ключевой принцип образования личности и, как таковой, может быть сломлен, с точки зрения Ильенкова, только вместе с уничтожением системы, его породившей [5, с. 176-178]. С разрушением капитализма, в процессе социалистического, а затем и коммунистического строительства перед человечеством встает новая экономическая задача – создание планово-централизованного управления производственными силами. И этот новый исторический вызов требует совершенного иного типа личности, поскольку профессионально-ограниченный индивид в принципе не способен к разрешению подобной задачи – личности всесторонне, гармонически развитой. Этот идеал – «коммунистический идеал Человека», – является, таким образом, с точки зрения Ильенкова, не плодом этических или эстетических размышлений, а укоренен в экономической действительности, которая для него, как для любого правоверного марксиста, представлялась исходной, первоначальной реальностью социального бытия.

Всесторонняя развитость личности, разумеется, не означает формирования у индивида всех возможных профессиональных способностей и навыков осуществления любой деятельности. Речь у Ильенкова идет, с одной стороны, о гармоничном развитии «универсальных» способностей – мышления, нравственности, здоровья – с другой стороны, об обладании личностью «принципиальными основами современной культуры», позволяющим ей при необходимости успешно менять вид профессиональной деятельности. Только общество, состоящее из подобных личностей – «тотально-развитых индивидов» – способно преодолеть то «отчуждение», которое характерно, с точки зрения Маркса, а, вслед за ним, и Ильенкова, докоммунистической эпохе развития человечества.

Философия образования Э.В. Ильенкова, таким образом, в своей исходной интуиции – ориентации на формирование «тотально-развитой личности» – созвучна идеям В.В. Розанова и С.И. Гессена с их идеалами своеобразного «культа культуры» и «формирования человека культурного» соответственно. Созвучие тем более удивительное, что все трое были мыслителями совершенно различных ориентаций и интеллектуального опыта. Оно, с нашей точки зрения, позволяет говорить о наличии определенной традиции отечественной философии образования, пусть и не получившей должного развития и более или менее детальной разработки в силу разнообразных исторических обстоятельств. Эту традицию, пожалуй, трудно назвать богатой на имена, темы и концептуальные подходы, однако, ее контуры все же проступают достаточно отчетливо, что делает часто встречающиеся рассуждения – особенно при сравнении отечественной ситуации с разработкой этой темы в американской и европейской философиях – о практически полном отсутствии темы образования в отечественной философии излишне категоричными. В данной статье мы и попытались обозначить контуры этой отечественной традиции философии образования, осмысление и актуализация которой, с одной стороны, могла бы уравновесить инструменталистские и

Сидорин В.В.
Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 67–74.

Sidorin V.V.
Cultural Person as a Result of the Education. From the History of the Domestic Philosophy of Education: V.V. Rozanov, S. I. Gessen, E.V. Il'nikov
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 67–74.

утилитаристские тенденции современного образования, а с другой стороны, сумела бы, возможно, поспособствовать поиску решений по преодолению затянувшегося кризиса российского образования.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках работы по Программе фундаментальных исследований РАН «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы».

Литература

1. Аврамкова И.С. К вопросу о кризисе образования в современной России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011, № 139. С. 142-152.
2. Богданович А. Юродствующая литература // Мир Божий. 1899, № 4. С. 1-19.
3. Гессен С.И. Мое жизнеописание // Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 412-447.
4. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
5. Ильенков Э.В. Проблема идеала в философии // Искусство и коммунистический идеал. М.: Искусство: 1984. С. 106-184.
6. Кумбс Ф. Кризис образования в современном мире. Системный анализ. М.: Прогресс, 1970. 263 с.
7. Куренной В. Философия и образование // Отечественные записки. 2002, № 1. С. 59-75.
8. Лобастов Г.В. Э.В. Ильенков: философия и педагогика // Вопросы философии. 2015, №3. С. 83-92.
9. Протопопов М.А. Писатель-головоотяп // Русская мысль. 1899, № 8. С. 155-171.
10. Розанов В.В. Сумерки просвещения. Сб. статей по вопросам образования. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. 240 с.
11. Розанов В. В. Сумерки просвещения // Розанов В.В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889-1897 гг.). Сумерки просвещения / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 621-821.
12. Совещения, происходившие в 1899 году в Московском учебном округе по вопросам о средней школе. М., 1899. Вып. 1.

Сидорин В.В.

Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 67–74.

Sidorin V.V.

Cultural Person as a Result of the Education. From the History of the Domestic Philosophy of Education: V.V. Rozanov, S. I. Gessen, E.V. Il'enkov
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 67–74.

Cultural Person as a Result of the Education. From the History of the Domestic Philosophy of Education: V.V. Rozanov, S.I. Gessen, E.V. Il'enkov

Sidorin V.V.,

PhD (Philosophy), Research Associate, RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia, vlavitsidorin@gmail.com

The system of the education is one of the fundamental social institute which is invoked providing not only the transfer of knowledge but also the continuity and the stability of the social development. After several decades of the constant reforming Russian system of the education haven't been adapted to the new reality of the informational civilization, neither it has achieved the harmonization between that reality and traditional values of the Russian culture. There are some trends and mental attitudes which can be traced in the history of Russian philosophical thought and can be counterposed to above-mentioned negative tendencies. These trends have manifested itself in works of such different thinkers as V.V. Rozanov, S.I. Gessen and E.V. Il'enkov, who stay in a not numerous row of those Russian thinkers who paid special attention to philosophical-educational problems. This article is an attempt to outline the domestic tradition of philosophy of education which can withstand to instrumentalist and utilitarian trends of the modern education. It is demonstrated that despite some different philosophical premises above-mentioned thinkers articulated some comparable purposes of the education – ideas of “transformation of the natural man to the cultural person” (V.V. Rozanov), “the conversion of the life to the cultural existence” (S.I. Gessen), “the formation of the totally developed person” (E.V. Il'enkov). There will be an attempt to show that the Russian thinker's philosophical-educational conceptions not only are of historical interest but also have the potential to be an important conceptual resource for the development of the contemporary Russian society.

Keywords: philosophy of education, history of Russian philosophy, V.V. Rozanov, S.I. Gessen, E.V. Il'enkov.

References

1. Avramkova I. S. K voprosu o krizise obrazovaniya v sovremennoi Rossii [On the crisis of the education in contemporary Russia]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena* [Herzen University Journal of Humanities and Sciences], 2011, no. 139, pp. 142-152.
2. Bogdanovich A. Yurodstvuyushchaya literatura [Holy fooling literature]. *Mir Bozhii* [The God's World], 1899, no. 4, pp. 1-19.
3. Gessen S. I. Moe zhizneopisanie [My life story] // Gessen S.I. *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu* [Principles of pedagogy. Introduction to an applied philosophy]. – Moskva: Schkola-Press, 1995, pp. 412-447.
4. Gessen S. I. *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu* [Principles of pedagogy. Introduction to an applied philosophy]. – Moscow: Schkola-Press, 1995, 448 p.

Сидорин В.В.

Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 67–74.

Sidorin V.V.

Cultural Person as a Result of the Education.
From the History of the Domestic Philosophy
of Education: V.V. Rozanov, S. I. Gessen,
E.V. Il'enkov
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 67–74.

5. Il'enkov I. V. Problema ideala v filosofii [The problem of ideal in the philosophy] // Il'enkov I.V. Isskustvo I kommunisticheskii ideal [Art and the communist ideal]. Moskva: Isskustvo, 1994, pp. 106-184.

Картина мира в русской, английской и французской фразеологии (на примере концепта «семья»)

Коннова Д.М.,

Бакалавр факультета ИЯ МГППУ

В данной статье ставится задача изучения человеческой концептосферы в трех разных индоевропейских языках. В связи с этим, в нашей работе рассматривается концепт «Семья», отражающий языковую картину мира в русском, английском и французском языковом сознании.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, картина мира, фразеологическая единица, языковое сознание, семья.

Для цитаты:

Коннова Д.М. Картина мира в русской, английской и французской фразеологии (на примере концепта «семья») [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Konnova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Konnova D.M. The picture of the world in Russian, English and French phraseology (on the example of the concept «family») [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Konnova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Язык, выступая в качестве основного средства выражения мысли, отражает процесс познания. В центре внимания исследователей оказывается проблема взаимодействия человека, языка и культуры. Культурные концепты находят наиболее яркое отражение во фразеологической картине мира.

Языковая картина мира (ЯКМ) представляет собой исторически сложившуюся и отраженную в языке совокупность представлений о мире. Впервые понятие языковой картины мира использовалось в трудах В. фон Гумбольдта. Ученый, размышляя о внутренней форме языка, представляет его как «объединенную энергию народа» [Stubb 2002: 56].

ЯКМ исследовалась и в работах по американской этнолингвистике, в частности, в гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа [Сэпир 1993: 4-16]. Каждый язык имеет собственную языковую картину мира, в соответствии с которой носитель языка организует содержание своего высказывания. Именно так проявляется восприятие мира, зафиксированное в языке.

При изучении ЯКМ особая роль отводится лексикологии и в частности фразеологии, так как именно фразеологизмы «косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают – как свет утра отражается в капле росы» [Ларин 1977: 125-149].

В работе О.М. Казаковой по изучению специфики западного и русского менталитетов через анализ фразеологических единиц (ФЕ в английском и русском языке) можно проследить наличие черт, характерных для этих двух народов. Например, большое количество английских ФЕ подчеркивают амбициозность, желание быть во главе, активное отношение к миру, ценность настоящего момента и индивидуализм. В то время как русские ФЕ отражают такие характерные черты народа, как гостеприимство, самоирония, непредсказуемость и иррациональность. (Казакова 2007)

В.А. Маслова отмечает, что ФЕ, отражая длительный процесс развития культуры народа, способны фиксировать и передавать из поколения в поколение культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [Маслова 2001: 81]. На основании данного высказывания, справедливо говорить о существовании фразеологической картины мира (ФКМ), которая наиболее ярко раскрывает национально-культурную специфику различных языков. ФКМ отражает не просто суммарные знания человека о мироустройстве, но и результат их образного переосмысления.

Поэтому сопоставительное изучение фразеологии разных языков представляет значительный интерес для широкого круга исследователей. Сопоставительному изучению подвергаются отдельные аспекты фразеологического значения, способы их реализации в речи, структурно-грамматические особенности и особенности компонентного состава ФЕ отдельных языков. Интерес представляют и различные аспекты парадигматических и синтагматических отношений ФЕ как в родственных, так и неродственных языках.

К категориальным признакам ФЕ относятся устойчивость, воспроизводимость в речи, раздельнооформленность, наличие хотя бы одного переосмысленного компонента в ее составе, целостность значения. В качестве факультативных признаков ФЕ рассматриваются образность / безобразность, предикативность /непредикативность. Значение ФЕ представляет собой особую лингвистическую категорию и имеет сложную структуру, которая состоит из предметно-понятийного и коннотативного компонентов. В каждом конкретном случае в семантике фразеологизма может преобладать первый или второй из них, однако между ними не существует четких границ. Во фраземике отражается физическая картина мира, социально-психические состояния человека в этом мире и сам человек с его эмоциями, чувствами, внутренним миром. В этом смысле фразеологическая семантика антропоцентрична: человек — носитель культуры, определенной системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Эта система в разных науках описана различными терминами — «картина мира», «модель мира», «образ мира», «концептуальная система мира», и, соответственно, рассматривается с разных точек зрения. Появление в лингвистике данного термина обусловлено исследованиями, посвященными проблеме «человек в языке и язык человека» во всей ее многоаспектности и сложности.

Картина мира и ее отдельные фрагменты, представленные языковыми средствами, являются системой, единство и целостность элементов которой возникают в процессе ее функционирования. Каждый элемент в этой системе выполняет определенную функцию. Каждый язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой опечаток на подсознание его носителей и формирует их картину мира. Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может восприниматься как компонент культуры и ее орудие. Однако язык автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как автономная семиотическая система. С лингвокультурологической точки зрения, язык и культура считаются формами сознания, отображающими мировоззрение человека, и описываются в синхронном их взаимодействии, поскольку язык служит средством накопления и хранения культурно значимой информации.

Люди живут в мире стереотипов, которые навязаны нам культурой. Гамма ментальных стереотипов этноса известна каждому его представителю. Образы, лежащие в основе ФЕ, обеспечивают построение общего и идентичного культурного пространства для носителей языка, которое является условием адекватного общения представителей данного лингвокультурного сообщества. Носители определенного языка владеют собственным культурным кодом, благодаря которому они интерпретируют значение ФЕ не только осознанно, но и на уровне бессознательного. Таким образом, язык выступает как ретранслятор культуры народа, помогая постичь его обычаи и традиции и раскрыть всю лингвокультурную специфику каждого народа.

Несомненный интерес представляет изучение реализации концептов в языковой картине мира, а точнее, в таком фрагменте, как фразеологическая картина мира. Интерес обусловлен тем, что большинство ФЕ отражают историю, быт, культуру, менталитет, социально-экономическую жизнь,

образ мышления народа, и особенности его языка. Изучение картины мира, представленной во фразеологии русского, английского и французского языков, позволяет сопоставить национальные стереотипы поведения, традиции, культурно-национальный опыт и жизненные ценности представителей разных социумов.

Картина мира - упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (индивидуальном, групповом) сознании [5, с. 5]. Она состоит из множества отдельных картин мира, демонстрирующих различия в мировоззрении людей. Субъектом картины мира могут быть: 1) индивид (индивидуальная картина мира); 2) группа людей (групповая картина мира); 3) отдельный народ (национальная картина мира); 4) человечество в целом (общечеловеческая картина мира).

Следует особо выделять оценочную или аксиологическую картину мира. Каждому народу присуще свое представление о добре и зле, красивом и страшном и т. д. Система ценностей, характерная для определенной культуры, выражается в оценках и является частью общей картины мира. Способ организации этой системы является одной из основных черт данного языкового коллектива. Оценочное отношение принято рассматривать как один из видов модальности, которое сопровождает языковые выражения. В отличие от грамматической (то есть объективно-временной) модальности, которая включается в дескриптивный (говорящий о мире) план содержания, оценочная модальность выражает отношение говорящего ко всему, что мыслится как объективное, независимое от субъекта [3, с. 29]. Оценка тесно связана с эмоцией и мотивацией, которые являются основными составляющими семантики номинативных единиц. Эти понятия привлекают особый интерес исследователей языка на современном этапе.

Следует учитывать, что концепт представляет собой научную модель, при помощи которой определяются объект и план исследования, его рамки, ограничения и т. д. Необходимо установить, как следует исследовать концепт и что в языковом анализе должно рассматриваться для выяснения его специфики. Концепт в лингвистике рассматривается как определенное понятие, единица ментального уровня, которая хранится в памяти носителей языка в вербально обозначенном виде и характеризуется совокупностью когнитивных и ассоциативных установок, присущей определенной языковой культуре. Любой концепт содержит в себе множество форм выражения в естественном языке, а также в тех сферах человеческой жизни, которые предопределены языком и немислимы без него. Лингвокультурологический анализ базовых концептов внутреннего и внешнего мира человека позволяет уточнить степень влияния языка на мировосприятие конкретного этноса, а также то, каким образом этнические особенности «наслаиваются» на универсальные концептуальные структуры.

Одним из ключевых концептов мировидения является концепт «семья», так как он лежит в основе уклада жизни сопоставляемых обществ. Для демократов концепт «семья» — это семья, где царят добрые отношения, где оба родителя имеют равные права, воспитывая детей, где царит дух любви, заботы и взаимопомощи: *marriage is honorable, wedlock is a padlock, man and wife make one fool; a chimney without smoke is like a couple without argument; mills and wives are ever wanting*. Американцы-республиканцы имеют несколько иные ассоциации, связанные с данным концептом. Для них «семья» — это патриархальная семья со строгими устоями жизни, где есть глава семьи — отец, который устанавливает свои порядки. Дети в такой семье воспитываются в строгости, а все члены семьи выполняют определенные обязанности: *men were made of day but woman was made of man*.

В русской фразеологии женщина обычно занимает в семье более важное место, чем мужчина. Она является хранителем домашнего очага, а зачастую и главным человеком в нем. Такая роль женщины в семье прослеживается в следующих русских ФЕ: *маменькин сынок, мать честная!, к чертовой матери, показать кузькину мать* и т. д.

Во Франции роль лидера в семье и в отношениях с детьми играет отец, что закреплено во фразеологии: *filis à papa* (досл. «папин сын»), *de père en fils* (досл. «от отца к сыну»), *en père de famille* («как отец семьи»), *contenter tout le monde et son père* (досл. «угодить всем и своему отцу»).

Если главенство мужа в семье оценивается положительно, то власть жены получает резко отрицательную оценку. Во фразеологизмах эта оценка выражена при помощи образов «курицы» и «петуха»: англ. *it is a sad house where the hen crows louder than the cock*. В них представлена метафора «женщина — кукарекающая курица».

В народном сознании представителей английской лингвокультуры концепт «семья» ассоциируется с созданием гнезда и жизнью птиц: в англ. яз.: *it takes two birds to make a nest*. Данная единица имеет значение «каждый должен найти свою половину», что выражено при помощи лексемы «two». Причем подчеркивается роль обоих супругов в создании семейного гнезда.

Для английской, русской и французской лингвокультур характерна ценность общения с близкими родственниками. Для представителей русского общества к числу близких родственников относится старшее поколение. Для английских и французских носителей круг близких родственников, как правило, ограничивается членами нуклеарной семьи (отец, мать и их дети).

Примечательно, что в сопоставляемых культурах выявляется потенциально негативное отношение к дальним родственникам: *second cousin twice removed*, седьмая вода на киселе; *le cousin a la mode de Bretagne*. Англичане и французы в связи с присущим им индивидуализмом меньше ориентированы на родственные отношения по сравнению с другими этносами; этим фактом объясняется малочисленность английских и французских ФЕ о родственниках.

В результате сопоставления концепта «семья» в трех языках можно сделать вывод о наличии общих и релевантных характеристик.

Универсальными характеристиками для этих языков можно назвать: сходный состав ядра поля; выделение эквивалентов в сопоставляемых языках для всех частей речи. Специфическими признаками являются:

— дробность приядерной и периферийной зон в английском и русском языках за счет синонимов, номинирующих родственную связь, а также их признаковые характеристики. Данные лексические единицы позволяют более точно определить тип родства и положение отдельного родственника в родственных отношениях.

Периферийная зона во французском языке расширяется за счет разговорных синонимов и лексем специального значения, тогда как в английском языке вместе с разговорными синонимами встречаются устаревшие, просторечные и поэтические лексические единицы.

При сопоставлении аксиологического статуса каждого родителя в системе ценностей ребенка видно, что образ матери, которая вынашивает, вскармливает, оберегает и заботится, является ключевым и репрезентирует «комфортный архетип». Сфера его действия — бессознательное в психике человека, которое находится по ту сторону рациональности и никогда не может быть удовлетворено [6, с. 55]. Отец в качестве архетипа родителя символизирует общественный порядок: «через данную архетипическую инстанцию приобретаются навыки культурного существования, усваиваются национально обусловленные социальные законы» [6, с. 55]. Отец выступает в роли относительно жесткого культурного канона, воздействие которого продолжается в течение всей жизни.

Большинство ФЕ о семье отражают особенности менталитета народа, а также, исторический, этнографический и культурный контекст. Таким образом, русский, французский, и английский языки различны не только генетически, но и представляют собой разные языковые картины мира. Анализ показывает определенную взаимосвязь между терминами родства и частями семейного уклада, что предопределяет ассоциации, существующие в сознании народа.

С точки зрения религиозной морали, брак значим во всех трех лингвокультурных обществах. Основу библейской концепции семьи составляет тезис о святости супружества, представленный во фразеологическом изречении: *marriage is honorable*. В русском же языке: браки заключаются на небесах; во французском: *les mariages sont sacrés*.

В связи с тем, что за последние десять лет значимость фразеологизмов в современной речи (устной и письменной) в целом чрезвычайно возрастает, ФЕ оказываются обязательной частью

Коннова Д.М

Картина мира в русской, английской и французской фразеологии (на примере концепта «семья»)

Язык и текст langpsy.ru

2018. Том 5. № 3. С. 75–80.

Konnova D.M.

The picture of the world in Russian, English and French phraseology (on the example of the concept «family»)

Language and Text langpsy.ru

2018, vol. 5, no 3, pp. 75–80.

культурного минимума, который необходим для адекватной коммуникации на любом языке. Так, во фразеологии разных языков существуют взаимоисключающие формулы семейного взаимодействия внутри одного концепта. Однако в целом подвергнутые анализу взгляды всех трех этносов на семью и брак во основных установках совпадают.

Литература

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 29 с.
2. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. - М. Просвещение, 1977. – 224 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - 208с.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М.: Издательская группа «Прогресс – Универс», 1993. - 123 с.
5. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1985.
6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
7. Stubb E. Wilhelm Von Humboldt's Philosophy of Language, Its Sources and Influence. - Edwin Mellen Press, 2002. – 124 pp.

The picture of the world in Russian, English and French phraseology (on the example of the concept «family»)

Konnova D.M.,

Bachelor of Faculty of Foreign Languages, MSUPE

This article poses the task of studying the human conceptsphere in structurally different languages. Moreover the necessity to analyze the concept of the concept, used in various areas of modern linguistics. In connection, the universal concept "family", which reflects the lingual world view in the Russian, English and French linguistic consciousness, is viewed in the article.

Keywords: concept; conceptual sphere; world view; phraseological unit; lingual cohesion, family.

References

1. Kunin A.B. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1996. 29 s.
2. Larin B.A. Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie. - M. Prosveshchenie, 1977. – 224 s.
3. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij. - M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2001. - 208s.
4. Sepir E.H. Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii. - M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress – Univers», 1993. - 123 s.
5. Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 1985.
6. Teliya V.N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. M.: Nauka, 1986.
7. Stubb E. Wilhelm Von Humboldt's Philosophy of Language, Its Sources and Influence. - Edwin Mellen Press, 2002. – 124 pp.

Наши павшие – как часовые...

Никанорова О.Н.,
Дипломированный специалист

Дергачева И.В.,
Профессор ФГБОУ ВО МГППУ

Статья посвящена освещению автопробега ветеранов Московской региональной организации ветеранов 35 ракетной дивизии и преподавателей кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» МГППУ, посвященного памяти воинов, героически сражавшихся в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Ключевые слова: ветераны, ракетная дивизия, память, Великая Отечественная война, автопробег, мемориал, братские могилы.

Для цитаты:

Никанорова О.Н., Дергачева И.В. Наши павшие – как часовые... [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Nikanorova_Dergacheva.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Nikanorova O.N., Dergacheva I.V. Our fallen – as sentinel... [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 3. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Nikanorova_Dergacheva.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Московская региональная организация ветеранов 35 ракетной дивизии совместно с факультетом иностранных языков МГППУ ведет активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи и сохранению памяти о подвигах воинов Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

В этом году в четвертый раз прошел уже ставший традиционным автопробег по местам боёв, которые велись в ходе Жиздринской наступательной операции 16-ой Армии Западного Фронта в феврале-апреле 1943 года и в которых участвовали войсковые подразделения: 21 лабр и 18 габр 6 адп РК.

В тех боях за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков советские воины не щадили жизни. Наш долг – всегда помнить о той героической борьбе наших дедов и прадедов. Они победили, чтобы мы могли жить, чтобы сохранился русский язык, чтобы сохранились наша культура и наша вера.

«...Об одном прошу тех, кто переживет это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, не было безымянных героев. Были люди, у которых были имена»

Публикация выполнена в рамках гранта Росмолодежи «Патриотическое воспитание слова к делу»

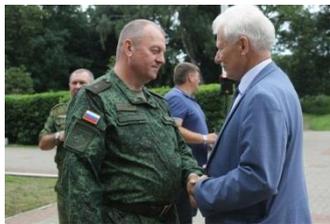
каждого свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут близки всегда, близки вам как друзья, как родные, как вы сами!» (Юлиус Фучик «Репортаж с петлей на шее»).

Эти слова чехословацкого антифашиста, замученного фашистами в 1943 году, очень точно выражают девиз автопробега по местам боев 21-й и 18-й артиллерийской бригад, входивших в состав 16-й Армии Западного Фронта, участвовавших в Жиздринской наступательной операции с 22 февраля по 20 апреля 1943 года.

Воспитание молодежи на исторических примерах является нашей общей, важной задачей. Историю должны знать наши дети, внуки и правнуки. «Кто не помнит прошлого, у того нет будущего». Думая о построении будущего, мы помним свою историю и гордимся своими предками, которые отвоевали для нас наше Отечество.

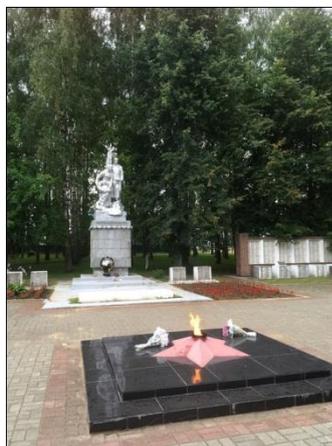
Представляем фото-отчет о мемориальном событии, прошедшем 28 и 29 июля 2018 года.

1.

Возложение венков на мемориале в городе Сухиничи.
Панихида по павшим воинам.

2.

Посещение братских могил и возложение венков на мемориалах в Думиничах, Зимнице, Котовичах, Букани, Андрево-Паликах и на Крестьянской горе.

3.

Посещение Краеведческого музея в городе Жиздра.

4.

Панихида по мирным жителям города Жиздры, погибшим в годы войны...

Главная заслуга в проведении памятного мероприятия принадлежит председателю Совета Московской региональной организации ветеранов 35 Ракетной дивизии Матвееву С.С. и ответственному за планирование и проведение автопробега Миронову П.Е.

В автопробеге приняли участие ветераны ракетной дивизии, а также их сыновья - молодое поколение, которое должно будет в будущем принять эстафету памяти.

От факультета иностранных языков МГППУ участвовали Дергачева И.В, Бурлакова И.И. и Никанорова О.Н.

Большая роль в проведении автопробега принадлежит людям, чья жизнь и работа непосредственно связаны с теми местами, где в 1943 году проходили ожесточенные бои. Среди жителей Жиздры и Жиздринского района много неравнодушных людей, увлеченных историей и посвятивших себя воспитанию молодого поколения на примерах героических судеб тех, кто пал за Родину в Великой Отечественной войне. Это, прежде всего, Туманов В.Ю., учитель школы в Акимовке, который создал школьный музей боевой славы и многие годы возглавляет штаб поискового объединения «Родник»; директор историко-краеведческого музея города Жиздры Лесюнина В.В.; зав.отделом по делам молодежи Сухиничского района Терехина О.Н.; помощник главы Думиничского района по делам ветеранов Гончаров Н.А.; зам. Главы Жиздринского района по социальным вопросам Родина Ж.В.

Все они не только поддержали инициативу организаторов автопробега, но и приняли активное участие в этом памятном мероприятии.

Our fallen – as sentinel...

Nikanorova O.N.,
Certified specialist

Dergacheva I.V.,
Professor FSBEI MSUPE

The article is devoted to the coverage of the veterans rally The Moscow regional organization of veterans of the 35th rocket division and teachers of the department "Lingvodidaktika and intercultural communication" of the institute "Foreign languages, modern communications and management" MGPPU, dedicated to the memory of soldiers who heroically fought in the Great Patriotic War of 1941-1945.

Keywords: veterans, missile division, memory, World War II, motor rally, memorial, mass graves.
